

196.5

Книжка

Кр. 6. 23
26. 215
23. 23

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ВЪВЕДЕНІЯ Ф. ПАВЛЕНКО

~~СЕРТИФИКАТЪ~~
ПЕРЕВІРЕНО

АШОПЕНГАУЭРЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

МОСКОВСКОГО СЧЕТЪ

Э. Н. Ватсон

~~СЕРТИФИКАТЪ~~
~~СЕРТИФИКАТЪ~~

~~ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ~~
~~СИБИРЬ~~

8770

Книжка
26. 215
23. 23

Съездъ. Школы, преподаватели
и. А. А. Г. Г. Г.

СК

КНИЖКА 25 Коп.

~~КАТОЛИЧЕСКАЯ
РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
БИБЛИОТЕКА~~

~~В. С. С. С. С.~~

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГ. СКА "ПЕЧАТЪ", ПЕТЕРБУРГЪ, 113.

1891.

924

Книга издана в 1897 г. По научной системе изложения со-
держит много нового, и в то время была 1897 году.

Оглавление.

Списокъ сокращеній	5
Введение	7

ГЛАВА I.

Прежде Шпенглера.—Раннее его.—Характеристика эпохи и матери Шпенглера.—Детство Шпенглера.— Воспитание его.—Многообещающая страстность его въ дѣлахъ и стремлений.—Шпенглеръ въ жизни сдѣлался купцом.—Смерть Шпенглера-матери	11
---	----

ГЛАВА II.

Артуръ Шпенглеръ поступает въ университетъ.—Ран- нее призваніе шпенглеровскаго юноши.—Университет- ское время Шпенглера.—Его литературныя знакомства.— Ознакомленіе съоцеломъ міромъ Шпенглерами и его ма- терью	23
--	----

ГЛАВА III.

Познанію въ силу веры изъ научныхъ трудовъ Шпенглера.—Путешествіе его въ Италію.—Шпенглеръ добивается университетской кафедры.—Пріемъ, оказанный критикомъ его сочиненіями.—Шпенглеръ, какъ профессоръ.—Ш- пенглеръ получаетъ профессору и ономъ отправляется стран- ствовать.—Промиселъ Шпенглера съ г-жею Маркель.— Жизнь Шпенглера въ Дрезденѣ.—Вторичная попытка Шпенглера выступить въ профессорской кафедрѣ.—Шпен- глеръ отказывается отъ профессорской дѣятельности и по- сылается во Франкфуртъ-на-Майнѣ	33
--	----

ГЛАВА IV.

Надужность и напоры Шопенгауэра. — Его любимые авторы. — Письмо его къ набравнику. — Перевоспитаніе его съ Вронгеномъ. — Шопенгауэръ о снотворномъ. — Всплывъ его на самоубійство. — Обзоръ жизни его. — Болезнь и смерть Шопенгауэра. — Похороны его. — Напробина рѣки Гальмра. — Памятникъ на могилѣ Шопенгауэра. — Реликвія черепъ Шопенгауэра. 45

ГЛАВА V.

Особенными свойствами философскаго воззрѣнія Шопенгауэра. — Что разумѣетъ Шопенгауэръ подъ словомъ «воля». — Воля и разумъ. — Три основныя свойства волеизвѣстности, неизбѣжности, свободы. — Воля, какъ предопредѣленіе. — Воля въ искусствѣ. — Опять, какъ основа философіи. — Значеніе и роль метафизики. — Всплывъ Шопенгауэра на психологію. 41

ГЛАВА VI.

Характеръ и жизнь Шопенгауэра послѣдними. — Отношеніе Шопенгауэра къ исторіи. — Его политическіе и социальныя взгляды. — Его разнорѣчіе съ національными интересами. 71

ГЛАВА VII.

Взгляды Шопенгауэра на искусство. — Взглядъ его на литературу и на любовь. — Манера творчества Шопенгауэра. — Парадоксальность его. — Значеніе философіи Шопенгауэра. . 85

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

При составленіи настоящаго списка явились книги и докторская диссертация Артура Шопенгауэра на немецкомъ и французскомъ языкахъ:

— Wilhelm Geismar. «Arthur Schopenhauer, aus persönlichem Umgang dargestellt. Ein Blick auf sein Leben, seinen Charakter und seine Lehre». Jelmars, 1882.

Ernst Otto Lindner. «Arthur Schopenhauer. Von ihm. Ueber ihn. Ein Wort der Verteidigung und Memorabilien, Briefe und Nachanstöße von Julius Frauenstädt». Leipzig, 1883.

Otto Bueh. «Arthur Schopenhauer». München, 1878.

Julius Frauenstädt. «Neue Briefe über die Schopenhauer'sche Philosophie». Jelmars, 1874.

François de Caroff. «Hegel et Schopenhauer. Etudes sur la philosophie allemande moderne, depuis Kant jusqu'à nos jours». Leipzig, 1882.

Th. Ribot «La Philosophie de Schopenhauer» (Bibliothèque de Philosophie contemporaine). Paris, 1888.

Adolph Seydel «Schopenhauer's philosophisches System» (Gelehrte Freischrift). Jelmars, 1883.

Pa. Musken «Hauptauszüge, nach Quellen u. Ausgaben» (1788—1860). Osnabrück, Zwei separate, C. Neugebors, 1885.

Труды Московского философического общества, Выпуск I 1888.—Архивы Шпенгера. Очерки его жизни и учения (По поводу столетней годовщины его рождения). Составил В. Н. Штейн: «Биографический очерк».—Н. Я. Дрозд: «О источниках философии Шпенгера».—Г. М. Кошманов: «Нравственное учение Шпенгера».—В. Н. Прохоровский: «Очерк теории жизни Шпенгера».

Из всех вышеупомянутых сочинений наиб. более всего приходится пользоваться сочинениями Ганнера, Дандера и Фуко-де-Барейна. Обстоятельная биография Шпенгера В. Н. Штейна (которой, впрочем, вышло только первое том), как объясняет из своего предисловия сам г. Штейн, составлена, главным образом, на основании вышеупомянутой книги Ганнера.

ВВЕДЕНИЕ.

Артура Шопенгауэра, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ мыслителей десятиадратаго столѣтiя, сдѣлаема извѣстенъ и знаменитъ, собственно говоря, только послѣ своей смерти. При его жизни профессиональные ученые и философы предвѣдительно замечали его, а масса публики, по своему характеру и роду дѣятельности Шопенгауэра, не могла питать особеннаго интереса къ его творенiямъ. Лишь вѣсело дѣла спустя послѣ его смерти, съ конца шестидесятихъ годовъ, интересъ къ его творенiямъ и къ его учению начинаетъ проявляться не только изъ родины его, изъ Германiи, но и изъ Францiи, и у насъ изъ Россiи. Считаютъ великимъ пришествiе адѣла между прочимъ интересную выдержку изъ привынагося лишь вѣсело вѣсело тому выдержки изъ печати письма Л. Н. Толстого къ А. А. Фету, отъ 30-го Августа 1869 года (напечатано въ „Русскомъ Обозрѣнiи“, кнѣ, 1890 г., въ статьѣ: „В. П. Боткинъ, Н. С. Турквинъ и гр. Л. Н. Толстой. Изъ воспоминанiй А. А. Фета“). Вотъ что писалъ Л. Н. Толстой:

„Знаете-ли, что было для меня настоящее дѣло?—
 Непрестанный восторгъ передъ Шопенгауэромъ и радъ
 духовнымъ наслажденіямъ, которыми я никогда не испыты-
 вала. Я выписала все его сочиненія, и читала, и чи-
 таю (прочла и Канта). И, вѣрно, ни одинъ студентъ
 изъ моей курей не узналъ такъ много и столь много не
 узнала, какъ я въ нынѣшнее дѣло. Не знаю, пере-
 жию-ли я когда еще, но теперь я убѣдилась, что Шопен-
 гауэръ—гениальнѣйшій изъ людей. Вы говорите, что
 онъ такъ себя, кое-что писалъ о философскихъ пред-
 ставленіяхъ. Какъ кое-что? Это весь міръ изъ неабстрактно-
 вомъ и крайнемъ отожженіи. Я начала переводить его.
 Не возьмется-ли и вы за переводъ его? Мы-бы издали
 книгу. Читая его, вы неостановите, каковы образы
 можетъ остаться отъ нихъ неизгладимы? Объясненіе только
 одно—то самое, которое вы такъ часто повторять,—
 „что кроме идѣтовъ изъ свѣта почти ничего нѣтъ...“

14-го февраля 1888 года московское психологическое
 общество чествовало въ торжественномъ собраніи, въ
 актовомъ залѣ московскаго университета, столѣтнюю ро-
 динную годовщину „одного изъ самыхъ влиятельныхъ гер-
 манскихъ мыслителей нынѣшняго вѣка, Артура Шопен-
 гауэра“, причемъ товарищу председателя общества, проф.
 Н. А. Забѣлу, сообщили важнѣйшія данныя о жизни
 Шопенгауэра, а три другіе оратора, члены общества,
 произнесли рѣчи о значеніи его философіи. Вышедшій
 изъ рѣчи были изданы въ одномъ обществѣ сборникѣ, съ
 присоединеніемъ къ нему болѣе подробнаго биографиче-

оннаго этажа о Шопенгауэре, составленного членомъ означеннаго общества В. Н. Штейномъ.

Вообще, съ широкимъ распространеніемъ въ концѣ семидесятихъ годовъ пантеистической философіи какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, началось и болѣе близкое ознакомленіе съ Шопенгауэромъ и съ его ученіемъ. Въ 1881 году переведено было на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауэра: „Миръ, какъ яви и представленіе“, а въ 1886 году—его-же сочиненія: „О четвероногихъ кораблѣ явила дѣлательнаго омыслинѣ“ и „О волѣ въ природѣ“ (оба перевода принадлежать А. А. Фету, исполненному такимъ образомъ свѣтъ, данный ему, какъ изъ надѣла, еще въ 1869 г. графомъ Л. Н. Толстымъ; въ первомъ изъ этихъ переводовъ приложено предисловіе Н. Н. Стрѣзна). Переведены также шопенгауэровскіе „Афоризмы и максимы“ и „Омыслинѣ задачи этики“, но наиболѣе сравнительно популярности получившіе болѣе широкое распространеніе въ обществѣ.

О жизни Шопенгауэра до самаго послѣдняго времени было извѣстно лишь очень немногое. Всѣ его біографы единогласно признаютъ, что чрезвычайно трудно, даже почти невозможно написать сколько-нибудь обстоятельную біографію его, во-первыхъ потому, что онъ, подобно напр. Декарту, жилъ жизнь очень замкнутую и уединенную, а во-вторыхъ потому, что для его біографіи до послѣдняго времени почти вовсе не было сколько-нибудь подходящихъ источниковъ. Самъ Шопенгауэръ отнималъ крайне неохотно изъ старинныхъ біогра-

фору зібрати збіжжю окремі матеріали для будучих
згадок і згадок замечательных із наміть-либо отомлений
людей, а із автобіографій отъ пачаъ положительную
антипатію. Призначена нѣтъ, по просьбѣ редакціи Мей-
еровскаго „Синтезіонно-Лексиконъ“, автобіографическая за-
мѣтка—выпущенная із 1-го выпуска „Трудовъ Мо-
сковскаго психологическаго общества“ и помѣщенная 28-го
мая 1851 года—занимаетъ буквально не болѣе 64 строкъ
разсчитаннаго шрифта.

ГЛАВА I.

Преды Швеннгауэра.—Родители его.—Характеристика отца и матери Швеннгауэра.—Детство Швеннгауэра.—Воспитание его.—Многократные страстишания его въ дѣлахъ и отреченіяхъ.—Швеннгауэръ не желаетъ сдѣлаться купцомъ.—Смерть Швеннгауэра-отца.

Большой частью случается такъ, что интересъ къ родителямъ и прародителямъ людей, сдѣлавшихся знаменитыми въ какой-либо области человѣческой дѣятельности, возникаетъ лишь тогда, когда жизнь этихъ прародителей ушла уже въ значительной мѣрѣ оутѣлся туманомъ прошедшаго. Однако относительно предковъ и родителей Швеннгауэра этого нельзя сказать.

Съ отцовской стороны Артуръ Швеннгауэръ является отпрыскомъ довольно знатнаго данцигскаго семейства. Уже прадедъ его, Андрей Швеннгауэръ, имѣлъ честь, въ качествѣ одного изъ самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ гражданъ Данцига, принимать у себя въ домѣ Петра Великаго и супругу его, Екатерину, во время путешествія ихъ по Германіи. Сынъ Андрея Швеннгауэра, дѣдъ Артура, Іоаннъ-Фридрихъ Швеннгауэръ, значительно пріумножилъ благосостояніе семейства; проживалъ-же онъ болѣею частью не въ Данцигѣ, а по соседству съ городомъ, на своей виллѣ, близъ мѣстечка Ора. Бабка Артура, Рената, рожденная Сормансъ, также принадлежала къ знатному семейству; мать

смерти ее мужа, надъ нею и надъ старшимъ сыномъ ее, Андреасъ-Миниагофъ Шонентауэромъ, была учреждена опека, такъ какъ у нихъ обнѣхъ обнаружилось растройство умственныхъ способностей. Младшій сынъ ее, Генрихъ-Фридрихъ Шонентауэръ, отецъ Артура, въ молодости своей много путешествовалъ, а впоследствии умелѣдствовалъ большую часть состоянія своего отца и дѣда, и съ честью поддерживалъ репутацію своего семейства.

Генрихъ-Фридрихъ Шонентауэръ былъ человѣкъ средняго роста, крѣпко-сложенный, пырловидный, какъ и сдѣлавшійся впоследствии знаменитымъ сынъ его. Не смотря на то, что по происхожденію своему онъ принадлежалъ къ вѣстнымъ патриціамъ и эрцгерцогамъ, онъ былъ проникнутъ идеями справедливости и свободы, что сглаживало ему расположеніе и любовь его согражданъ. Безстрашіе, привѣта и откровенность составляли отличительныя черты его характера; но, вѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ чрезвычайно внимательный и упрямый. Биографъ Артура Шонентауэра приводитъ слѣдующій интересный анекдотъ, характеризующій рѣшительность и приверженность отца его, сглаженный ему еще въ бытность его въ уваженіе и расположеніе его согражданъ. Давнигъ, какъ вѣстѣю, до конца прошлаго столѣтія составлялъ одну изъ ганзейскихъ республикъ, окруженную со всѣхъ сторонъ владѣніями Польши. Когда, послѣ перваго раздѣла Польши, Фридрихъ Великій задумалъ присоединить и этотъ городъ, вѣстѣ съ отомедленно въ его владѣніе частью нѣмѣцкой западно-прусской провинціи, къ прусскому королевству, граждане старинной ганзейской республики отказались принять владычество Пруссіи и рѣшили не пускать ихъ въ городъ, вѣдѣстѣе чѣмъ прусскія войска обложили городъ съ суши и прекратили подвозъ къ нему съѣстныхъ припасовъ. Командиръ блокирующаго корпуса поселился на дворѣ Шонентауэра. Въ видѣ награды за оказанное ему здѣсь, хотя и насильственное, гостепріимство, онъ

желѣлъ предложить владѣльцу пропускъ въ городъ фуража для везущихся тамъ лошадей Іоанна-Флориса Шопенгауэра; но тотъ желѣлъ поблагодарить генерала и объяснить ему, что пока у него еще достаточно фуража, когда-же фуражъ этотъ немъ выйдетъ, онъ будетъ заѣзжать своими лошадьми. Эту свою горячую любовь къ независимости родного города Флориса выражалъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ: онъ отклонилъ предложеніе ему прусскіе корольскіе предложеніе поселиться въ Пруссіи, и когда въ 1793-мъ году присоединеніе Дампнга къ Пруссіи было совершенно рѣшено, онъ въ течение 24-хъ часовъ эвакуировалъ все свое дѣло въ Дампнгъ.—что не могло совершиться безъ чувствительныхъ потерь,—и переселился въ гаванскую-же розенбургку Гамбургъ.

Генрихъ-Флорисъ Шопенгауэръ былъ не только генией поэзіи и лондѣй коммерсанта, но и членомъ многосторонне-образованнымъ. Во время своихъ частныхъ дѣловыхъ поѣздокъ въ Англію и въ Францію онъ успѣлъ довольно основательно ознакомиться съ литературою этихъ странъ; любимымъ его авторомъ была Байронъ. Государственный и семейный строй Англіи до того нравились ему, что онъ даже въ некоторое время помышлялъ о томъ, чтобы совсѣмъ переселиться въ эту страну. Хотя этотъ его планъ ему и не удалось, но онъ устроилъ свой домъ совершенно на англійскій ладъ и не только самъ ежедневно прочитывать отъ доски до доски «Times», но и доставлять сына своего съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ читать эту газету.

Тридцати восьми лѣтъ отъ роду Генрихъ-Флорисъ Шопенгауэръ женился на восемнадцатилѣтней Аннѣ-Генриеттѣ Тренноръ, дочери уважаемаго, хотя и небогатаго, данцигскаго ратмана. Это была небольшого роста, графичная, голубоглазая, сибтлорусая дѣвушка. Образованіе она получила довольно поверхностное, какъ и все тогдашнія молодыя дѣвушки не только средняго, но и высшаго круга; но преледный умъ и остроту от-

части дозволяли этот недостаток образования. Дото-
пистой хозяйкой она не сдѣлалась по всю свою жизнь.
Она сама открыто признавалась, что не питала ника-
кой страстной любви къ ближнему въ то время болѣе
чѣмъ какое старое ей жену съезжу. Да тотъ и не
претендовалъ на такую любовь: она прямо говорила,
что находила за-мужъ за Генрикомъ-Флорисомъ Шомбург-
еромъ въ расчетъ на болѣе блестящую обстановку и жизнь,
чѣмъ какую она находила въ родительскомъ домѣ. Го-
графы Артура Шомбургера подтверждаютъ то обстоя-
тельство, что авторъ «Mira, какъ была и предстанетъ»
объясняетъ своимъ пренебрежениемъ по браку по любви.
Недостаточное образование, полученное ею въ родите-
льскомъ домѣ, она отчасти возмещала многостудіемъ, въ-
точнѣе многою лѣтъ совокупности съ умными и
образованными мужьями. Въ этомъ отношеніи боль-
шинство подспорья служила ей прекрасная библиотека
ея мужа, состоявшая изъ лучшихъ тогдашнихъ англи-
скихъ и французскихъ книгъ, причемъ въ этомъ усла-
женномъ чтеніи она была дѣйствителънымъ руководителемъ въ
лицѣ друга своего дѣтства, англиканскаго пастора въ
въ Дамптъ, Джессея. Тотчасъ же послѣ свадьбы
она предприняла большое путешествіе со своимъ
мужемъ, извѣстную прерванную страсть къ пере-
движеніямъ. Они зѣбали черезъ Берлинъ, Ганноверъ
и Пармъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, который, по ее
словамъ, очень понравился ей богатый и свободный род-
ной городъ ее Дамптъ, а оттуда, черезъ Бельгію и
Парижъ, въ Англійю. Здѣсь, по желанію Генриха-Фло-
риса, они предложили тамъ пробыть подольше для того, чтобы
перевенецъ ихъ, компанія котораго на свѣтѣ ошцала
судури, рѣдился ихъ изъ въ возлюбленной его Англійи и
тѣмъ какъ-бы приобрѣлъ прерожденныя права англи-
скаго гражданства. Однако обстоятельство заставило
ихъ отказаться отъ этого плана, и она, послѣ весьма
затруднительнаго путешествія, прибыла въ Дамптъ,
гдѣ вѣроятно двѣ сутокъ, ижею 22-го февраля 1788-го

года, родился старший изъ сыновъ, которому, при послѣднихъ годахъ 3-го марта того-же года крещеніи, дано было имя Артуръ. Это имя было избрано Генрихомъ Шопенгауэромъ потому, что оно не имѣетъ спеціально нѣмецкаго оттенка и произносится почти совершенно одинаково на другихъ языкахъ: французскомъ и английскомъ.

Отецъ Артура Шопенгауэра, уроженецъ и гражданинъ вольнаго ганзейскаго города Данцига, какъ мы видѣли выше, всегда отличался свободомыслиемъ и склонностями и симпатіей къ Франціи. Великая французская революція, вспыхнувшая съ небольшимъ годомъ спустя послѣ рожденія будущаго знаменитаго философа, еще болѣе усиливала эти склонности и симпатіи. Когда Артуру было 5 лѣтъ отъ роду, въ 1793-мъ году, великій городъ Данцигъ снова подвергся блокадѣ со стороны королевскихъ прусскихъ войскъ и жителямъ патриоты утратили всякую надежду на сохраненіе своего республиканскаго строя. Тогда Генрихъ-Флорисъ Шопенгауэръ рѣшился совершенно выселиться изъ родного города, и въ мартѣ мѣсяцѣ этого года, въ жѣнскомъ наемѣ до уступленія къ Данцигу прусскими, родителями его вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Данцига и направился, черезъ принадлежавшую въ то время Пруссіи Померанію, къ вольному городу Гамбургу. Дѣль передъ образованной элитой чуждой раскормленной дичи; изъ этого періода относятся знакомство изъ съ Клодентомъ, фельдмаршаломъ Карл-рейхомъ, Нельсономъ, леди Гамильтонъ и др. Но съ переселеніемъ въ родной городъ страсть чужды Шопенгауэра къ передвиганіямъ, какъ-то, еще болѣе усилилась, и во время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Гамбургѣ онъ предпринималъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ путешествій. Одну изъ цѣлей этихъ путешествій являлось также желаніе Шопенгауэра-отца содѣйствовать всестороннему развитію Артура, и послѣдствіемъ философа съ благодарностью вспо-

жились объ этомъ, не безъ основанія сопоставляя свое, многостороннее, отчасти благодаря этимъ путешествіямъ, развитіе съ одностороннимъ развитіемъ большинства нѣмецкихъ учениковъ. Довольственно мальчикомъ онъ сопровождалъ отца своего во Францію, притомъ отецъ оставилъ его на два года у своего зятя, знакомаго, гнѣвскаго купца Грегора, съ сыномъ котораго малолѣтній Артуръ обучался у лучшихъ учителей этого города. Здѣсь онъ провелъ самую счастливую пору своего дѣтства и совершенно офранцузился, чего и желалъ его отецъ, отъ всей души исповѣдавшій нѣмецкое фанатство. Когда онъ возвратился, совершенно одинъ, морскъ, изъ Гавра въ Гамбургъ, то оказалось, что онъ почти совсѣмъ распустился нѣмецкому языку и ему стоило нѣкоторыхъ усилій снова справиться съ послѣднимъ. Одинадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ частную гимназію нѣмецкаго Рунге, въ которой воспитывались сыновья самыхъ знатныхъ гражданъ; но такъ какъ программа этого училища имѣла въ виду преимущественно коммерческую сторону дѣлать, то большая часть воспитанниковъ были дѣти коммерсантовъ, то первоначальное образованіе Шпенсгера оказалось довольно одностороннимъ; такъ напримѣръ латинскому языку, которому Артуръ началъ учиться еще въ Гаврѣ, онъ, по его собственному признанію, окончательно неучился, и притомъ въ теченіе полутора, лишь двенадцати лѣтъ отъ роду.

Мы говорили уже выше, что отецъ Шпенсгера желалъ сдѣлать изъ всего купца; но, къ великому огорченію представителя старинной ганзейской торговой фирмы, Артуръ не выказывалъ къ тому ни малѣйшей склонности, и въ немъ уже рано сказались пламенные доброты къ отвлеченной наукѣ. Долгое время Георгъ-Флорисъ протиралъ глаза сына. Чтобы отъ Артура отъвлечь его поступленіемъ въ гимназію, онъ предложилъ ему сопровождать его во время визита въ шестилѣтнюю предпріятыя имъ нѣбѣ съ женою въ 1803-го года въ Бельгію, Англію, Францію, Швей-

рю и Южную Германию. Воспользуясь самою Шенгенгар-
зю, выражаясь глубокое сожалѣніе по поводу того, что
столько драгоценнаго для школьнаго образованія вре-
мени прошло у него почти даромъ на постороннія, по
всѣмъ неспособная дать солиднаго образованія, счита-
нія по блгу свѣту. Впрочемъ, съ сподвѣтливой ему энер-
гіей, онъ не пренебрегъ наверстать потерянное время
усиленными трудами. Въ Англіи онъ пробылъ около по-
лугода. Чтобы не оставившиаго собою школьнаго
образованія сына, родители, отправившись сами путе-
шествовать въ Северную Англію и въ Шотландію, по-
желали его въ домъ одного изстараго въ Уинблдонѣ,
близъ Лондона. Здѣсь онъ познакомилъ остоеніе солид-
ному знакомству съ языкомъ народа, который, вразвѣтъ
съ французами, былъ ему особенно симпатиченъ.

Въ этой школѣ, наряду съ общо-образовательными
предметами, обращалось серьезное вниманіе и на наци-
пы искусства: игру на флейтѣ, пѣнье, речеваніе, вер-
ховую ѣзду, фехтованіе и танца. Одновременно и набо-
лованный конюша, стерпелъ разоблаченный съ охотой, по-
нѣмъ подлѣ себя нѣмого близкаго и предоставленнаго
самому себѣ, замученъ въ пылкахъ къ родителямъ въ
опекутѣе развлеченій. На это мать его отвѣчала, какъ
«Речеваніе, пѣнье, музыка, фехтованіе и верховая ѣз-
да, представляютъ достаточное развлеченіе. Тѣмъ же
возрасту, собственно, я не пристала болѣе шумныхъ раз-
влеченій. Для того, чтобы пользоваться послѣдними,
нужно сначала научиться жить, ты-же пока въ этому
только подготовленъ»... Въ другомъ письмѣ мать со-
вѣтовала ему желанно заниматься англійскими тра-
гедіями и драмами, а болѣе читать по-англійски. «М-
желе — писала она — чтобы ты вслѣдъ восторгъ по-
обще, и каждаго изъ нихъ въ отдаленности отъ общества
всюду въ сторону и остановился на болѣе серьезномъ
чтеніи... Тебѣ всего 15 лѣтъ, ты уже прочелъ и изу-
чилъ лучшіе нѣмецкіе, французскіе и англійскіе
восторгъ, а между тѣмъ не читаешь такъ книгъ,

съ которыми для тебя обязательно было знакомиться въ учебные часы, для удовлетворенія требованій г. Рунго, да за исключеніемъ еще нѣсколькихъ романовъ, т. е. совершенно знакомыхъ съ прославленными сочиненіями, исторіей напиримѣръ... Чувство прекраснаго на этомъ свѣтѣ, каковы онъ есть, не можетъ служить намъ руководящею нитью, и я желаю-бы видѣть въ тебѣ что угодно, только не тѣтъ изыскаемаго «bel esprit»... Съ другой стороны, отецъ его, отчасти соглашавшійся съ тѣмъ, что сыну его жить въ Уинблэндѣ не могла казаться особенно пріятной, и разрѣшилъ ему для развлеченія бѣгать каждую недѣлю въ Лондонъ, свѣрбѣть... о дурномъ по-черкѣ своего сына и постоянно убѣждать его востановиться исправить свой почеркъ. Подобные свѣтлы дѣлались, очевидно, въ виду желанія стараго венеціанца когда-нибудь увидѣть своего сына, серьезно воспитаннаго, себя торжественно замѣчать. — Потенгауэра, которому на это время было всего 15 лѣтъ, еще рано, сличать рѣшительныхъ и даже рѣзкихъ образомъ составлять противъ англійскаго хамства, которое, какъ онъ писалъ своей матери, «стѣсняетъ его по праздникамъ и посрединѣмъ, сличается быть неслучае дѣла и весьма желаніе, чтобы востановилъ своихъ факеломъ освѣщеніи свѣтлую тѣлу, царствующую въ Англіи». На это мать довольно ясно наговорила ему, что прежде ей «приходилось бороться съ ними, всегда по воскресеньямъ и праздникамъ онъ не хотѣлъ приниматься ни за что путное, сличаясь на то, что это — дни отдыха; теперь-же вдругъ онъ оказался пресмыченнымъ праздничнымъ отдыхомъ». Вообще у юнша, даже можно сказать у юнша проявился серьезность не по лѣтамъ. Такъ напиримѣръ онъ пишетъ родителямъ, что «некогда Вестминстерскаго аббатства далъ ему безконечный матеріалъ для размышленій». «Видя въ этихъ готическихъ стѣнахъ остатки и гробницы поэтовъ, героев и королей такъ, какъ ихъ собрали въбѣгъ прошедшаго времени, надасшихъ вопросовъ, дѣйствительно-ли они находятся

въ обществѣ тахъ, гдѣ ихъ не раздѣляютъ ни кастовыя рамы, ни понятія времени и мѣста, и спрашиваешь, что-же именно и почему-то въ загробномъ мірѣ сохранилось вѣдѣній изъ баска и величія, доставившихъ имъ въ удѣлъ на землѣ. Короли поминули на землѣ свои нѣмцы и скинстры, поэты — слезу; но изъ нихъ остаются великіе убогъ, безгласныя внутренности дарованій, и въ загробномъ мірѣ сохранили все, чѣмъ пользовались здѣсь.

Изъ Англіи Шопенгауэръ черезъ Голландію и Бельгію проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ останавливался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Здѣсь онъ, пользуясь своимъ гениемъ, нѣмалъ случай ознакомиться со жизнью изъ тогдашней выдающейся людей Франціи, начиная съ перваго консула, Наполеона Бонапартъ, и изучать всѣ парижскія достопримѣчателности. Игра знаменитаго актера Талмы не произвела особаго впечатлѣнія на молодого Шопенгауэра, но зато ему очень понравились маленькія комедіи и комическая опера. «Французскій языкъ и французскіе актеры — искали они — какъ будто нарочно созданы для этого рода дѣла; но въ декламаціи французскихъ трагиковъ, истонной и ненатуральной, я слышу въ когда-нибудь привычку». — Шопенгауэръ и по-сѣбствіи въ французскіе стихи и декламаціи относился неодобрительно, но французскій прозаическій стиль всегда восхищалъ, въ противоположность нѣмецкой каппанерности слова. Что касается самихъ французовъ, съ которыми Шопенгауэръ, начиная съ дѣтства, нѣмалъ многочисленныя случаи ознакомиться, то онъ принималъ ихъ народомъ живымъ и веселымъ, но чувственнымъ и слабымъ, легкомысленнымъ, но всѣмъ европейскимъ народомъ, и нѣдугамъ этого своего темперамента французъ не могъ быть особенно сжигателенъ серьезному уму Шопенгауэра. И дѣйствительно въ сочиненіяхъ его нѣрѣдко встрѣчаются довольно рѣзкіе отзывы о французахъ. Такъ въпрямь, въ своихъ «Речахъ» онъ говоритъ: «Другія части свѣта созданы обаяніемъ, Европа же — французомъ. Одно стоитъ другого». Далѣе онъ

перничают у французов чрезвычайно заботу о чувствительности, способствующую будто бы развитию человеческого достоинства, саканного национальнаго тщеславия и претивнаго хвастовства. Благодаря тому и самым стремлениям французов, получают такую неутомимость, что служить предметом остроты и насмѣлокъ для другихъ народовъ».

Въ началѣ января 1804-го года семейство Шенштауэровъ направилось черезъ Брисоль, Туръ, Ангулемъ, Бордо и конную Францію въ Перъ. Размѣстившись въ маленькомъ театральномъ пансіонѣ въ Перѣ, проехали на молодого Шенштауэра очень сильное впечатлѣніе, сравненное съ благоговѣніемъ. Въ Тулонѣ онъ выходя изъ себя по поводу судьбы заключенныхъ въ тюрьмы каторжниковъ. Въ Лионѣ онъ вспоминаетъ о множествѣ людей, погибшихъ въ этомъ городѣ изъ-за эшафотъ во время господства дѣла террора, и удивляется тому, что «люди теперь, какъ не въ чуждѣ имъ было, раздумываютъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ места тому нѣмало друзей ихъ и родственники разставались рыдами и разстрѣливались курочками». «Наушамъ — слышатъ: онъ — изображеніе нѣтъ не ругаетъ зрѣющаго зрѣніемъ родственникомъ, елибавшись въ кулаки! Можно-ли сказать, что современныя дѣла, прощаясь черезъ площадь, хладнокровно разсуждаютъ, какъ дѣла, на этомъ самомъ мѣстѣ, были нѣмало ихъ друзья? Но истинѣ непонятно, какъ сама природа притупляетъ живые и ужасные впечатлѣнія».

Изъ Франціи Шенштауэры отправляются въ Швейцарію. Видъ швейцарскихъ Альпъ произвелъ на Артура весьма сильное впечатлѣніе и онъ ухаживать отца своего помянуть ему остались подолѣше въ Шамуні: даже подѣ старость онъ приходитъ въ волненіе, когда ему приходится говорить о Монбланѣ. Между прочимъ онъ сравниваетъ пасмурное настроеніе вѣчно-одаренныхъ умовъ Монбланомъ, вершина котораго обыкновенно закрыта бѣлыми облаками, но «когда порокъ, особенно развѣтъ

утрасть, облачная зальса разорвется и вершина горы, окрашенная пурпуромъ солнечнаго восхода, высветится черезъ облака въ Шлауна, тогда теплое сердце запылуетъ. Таск и въ гоним, большоею частью меланхолическѣ, своеобразное вослѣдѣ, притиснувшее отъ совершенной обремененности ума и невозможное талывъ дагелѣ, кладеть на его теплое чело сѣнико. Но если Шоненгауеръ приметъ въ восторгъ отъ швейцарской природы, то сими швейцарцы ему ономъ не понравивши, и эти влюбленъ къ нимъ, родившався еще въ отрочествѣ, сохранивши въ немъ на всю жизнь.

Черезъ Швабию и Баварию Шоненгауеръ направился въ Австрію, гдѣ его задержали на границѣ цѣлую недѣлю вследствие какой-то несправедливости въ ихъ паспортѣ; это путевое приключеніе съ большимъ изумленіемъ описано молодымъ Шоненгауеромъ. Семострѣтъ Вину и Пресбургъ, путешественники направлялись черезъ Мюнхенъ, Баварию, Саксонию и Силезію въ Берлинъ. Отсюда Шоненгауеръ-отецъ отправился въ дѣламы своимъ въ Гамбургъ, а Артуръ съ матерью—въ Дании. Здѣсь осенью 1804-го года, 16^{1/2} лѣтъ отъ роду, онъ былъ крещенъ въ той же церкви св. Маріи, въ которой его съ 1788-мъ году крестили. Въ декабрѣ того-же года онъ вернулся изъ Гамбургъ. Хорошо ознакомившись во Фрэнк съ обществомъ странствованій по Франціи и Англіи съ французскими и англійскими языками и познаниями, ради исполненія желанія своего отца, календарей, онъ въ январѣ мѣсяцѣ 1805 года, поступилъ по особому желанію отца, поступилъ въ торговою школу гамбургскаго комерсанта и сенатора Лемана. Но уже мѣсячною мѣсяцемъ спустя—весною 1805-го года—скороностажно умеръ его отецъ: онъ упалъ въ свои чердаки въ глубокой каналъ и утонулъ. Ходили слухи, будто сдѣлавшійся въ послѣдніе годы своей жизни чрезвычайно раздражительнымъ, особенно вслѣдствіе усилившейся съ годами глухоты своей, Генрихъ-Флорисъ Шоненгауеръ преднамѣренію бросился въ ка-

нали; другие утверждают, что Шоненгауэр-отец записал себя жизни из принадлежностей уклончивости, наследственного из его семейств (действительно из исключительных поколений семьи Шоненгауэр участвовал во многих случаях уклончивости); третьи же видят в смерти Иоанна-Фредерика просто несчастный случай. Как бы то ни было, по смерти отца произошла из Артура сильное, удручающее впечатление. Хотя последний по натуре своей был даже от всякой чувствительности и сентиментальности, однако был до глубокой старости, в разговорах с друзьями нередко отзывался об отце с величайшей теплотой. После смерти Артура Шоненгауэра между рукописями его было найдено написанное еще еще в 1821-мъ году, но в то время не написанное, посвящение памяти отца второму изданию его знаменитой книги «Миръ, какъ война и преданность». Вотъ это посвящение:

«Благородный, благотворительный умъ, которому я несказанно обязанъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ. Твоя повелительная предупредительность охраняла и желала меня не только отъ чуждого всего безразличного дѣла и естественной кротости моей, но и въ зрѣломъ возрастѣ, по настоянцй дѣл. Даровать мнѣ жизнь, ты въ то-же время позаботился о томъ, чтобы твой сынъ въ этомъ мѣстѣ, какъ-бы онъ есть, имѣлъ всѣ способы существовать и развиваться, а безъ этой твоей заботливости я сейчасъ разошелся-бы на край погибели. Въ моемъ умѣ стремление къ теоретическимъ изслѣдованіямъ сущности бытія преобладающе сильнее рѣшительно для того, чтобы я, ради обеспечения своей особы, могъ, вѣнцуя свой умъ, предаться какой-нибудь иной дѣятельности и поставить себя задачей добываніе хлѣба насущнаго. Попадѣшему, именно въ предвидѣніи этого случая, ты повѣдалъ, что твой сынъ неспособенъ ни купить землю, ни тратить силы на землечесное ремесло. Разнымъ образомъ ты, гордый республиканецъ, понималъ, что сыну твоему чужды таланты—сохранять съ ничтоже-

ствою и никуда ни пресмыкаться передъ чинчи-
канн, моннатана и ихъ союзниками въ тѣхъ видахъ,
чтобы подлю измалывать себѣ кусокъ чернаго лѣба,
или-же наковырѣ, подвѣсившись въ надутой посред-
ственности, смиреннѣе присоединяться къ славословящей
ее толпѣ певцовъ и паразитовъ. Ты знаешь, что твоему
сыну скорѣе свойственно, вмѣстѣ съ почтенными
тебѣ Вольтерами, думать: «Такъ какъ намъ далеко еще
два дня жизни, то не стоить труда проводить ихъ въ
познани передъ презрѣнными плутами». Поэтому воспи-
ваю тебя: мое твореніе и плю тебя, за предѣла мо-
гилы благодарности, которое обязанъ былъ тебѣ одному
и никому иному. Тѣмъ, что сынъ дарованная мнѣ при-
родою я могъ жить и утѣшаться на то, къ чему
онъ былъ предназначенъ: тѣмъ, что, послѣднимъ про-
рожденному вѣселою, я могъ быть полезенъ работая въ
то время, когда мнѣ никто не оказывалъ содѣйствія, —
всѣмъ этимъ я обязанъ тебѣ, мой отецъ: твоей дѣ-
тельности, твоему уму, твоей бережливости и заботли-
вости о будущемъ. За это хвалю тебя, мой благодарный
отецъ! Пусть-же искѣи, кто въ моемъ твореніи на-
йдетъ для себя радость, утѣшеніе и поученіе, увеличитъ
твое имя и узнаетъ, что если-бы Гейнрихъ-Фюреръ
Шоненгауэръ былъ не тѣмъ чужеземцемъ, каковымъ онъ
былъ въ дѣствительности, то Артуръ Шоненгауэръ
успѣлъ-бы сто разъ погибнуть. Итакъ, да сдѣлаетъ
моя благодарность то единственное, что въ состояніи
сдѣлать для тебя я, которого ты создали да развѣселе-
ния твое такъ далеко, какъ только въ состояніи будетъ
развѣсѣться мое имя.

ГЛАВА II.

Артур Шпенглеръ поступилъ въ университетъ. — Раннее образование Шпенглера. — Университетскіе годы Шпенглера. — Его литературная деятельность. — Связи между Шпенглеромъ и его матерью.

Послѣ смерти своего мужа Анна Шпенглеръ переселилась со своей 8-ми-лѣтней дочерью къ Веймарскому герцогинѣ Гамбургъ. Была ей антипатична и ее выкло въ тогдашнюю «пресиденцію жужъ». Она прибывала въ этотъ городъ на два дня до сватанья при Іері, и въсвѣдѣло въендрѣ сврета, несмотря на тогдашнія скутныхъ времена, благодаря своей общительности, любезности и тактичности, успѣла уже познакомиться и облизаться почти со всѣми тогдашними веймарскими знаменитостями. Несмотря на нѣкоторое расстройство дѣлъ ее мужа на послѣднее время его жизни, онъ оставилъ семью все-же настолько значительное состояніе, что идеи его могла вести довольно старыиъ и широкій образъ жизни. Въ се дѣлѣ облизались по-дѣлаи къ вѣдѣдо такіе люди, какъ Гете, Виландъ, Гриммъ, братья Шлегели, князь Пюклеръ и др. Она вышла даже достучь къ тогдашнему веймарскому двору, познакомилась дружиной и развлеченіемъ герцога Карла-Августа и его супруги, герцогини Саксен-Кобургъ-Готскихъ, послѣднего принца Мейсенбургъ-Шверинскаго и др. Нѣсколько лѣтъ сврета она вступила, и притомъ же безъ успѣха, на литературное поприще.

Тѣмъ временемъ Артуръ Шомменгауеръ, глубоко потрясенный смертью отца, нѣтъ уваженія къ жизни продолжалъ еще некоторое время столь немилостивую ему коммерческую карьеру. Правда, дѣлалъ онъ это болѣе для вида: сидѣлъ на своей конторкѣ и разложилъ коммерческія книги, отъ потолка къ отъ своего принципа читалъ французскія Галли или какую-либо другую подобную книгу. Но наконецъ и для него пробилъ часъ исцѣленія: его мать прочла одно изъ его писемъ, въ которыхъ Артуръ горько жаловался на свою судьбу одному изъ своихъ товарищей друзей, Ферриону, и тотъ убѣждалъ мать не претендовать на нѣкую силу, не принуждать его къ продолженію коммерческой дѣятельности и позволить ему поступить въ университетъ. Шомменгауеръ, чуждый всякой сентиментальности, записалъ отъ радости, получивъ письмо матери, въ которомъ та предоставляла полный просторъ его природнымъ влеченіямъ. По совету того-же Ферриона, онъ переѣхалъ въ Гету, гдѣ профессоръ Дерангъ занималъ подготовку его къ вступительному экзамену для поступления въ университетъ, а профессоръ Якобъ занималъ съ нимъ всякую литературу. Оба они отивались съ величайшею охотой о замѣчательныхъ способностяхъ своего ученика. Но онъ пожелалъ себѣ кое-какія поспѣшныя надѣлы отъ гимназическихъ учителей, а тѣ, увидѣвъ объ этомъ, не допустили его къ сдѣлкѣ изъ-за неадекватности зрѣлости. Тогда онъ рѣшился обратиться къ Вейсера и такъ продолжать подготовку къ университету; однако по желанію матери онъ не посмѣлъ въ себѣ дѣлѣ. Интересны женщины, заставлявшія эту женщину, искренне любящую своего сына, отказаться отъ совѣтующаго съ нимъ знакомства въ одно изъ дѣлѣ. Вотъ что она пишетъ по этому поводу Артуру, жившему въ то время 19 лѣтъ отъ роду:

«Для моего счастья необходимо знать, что ты счастливъ; но мы можемъ оба быть счастливыми и живя прости. Я не разъ говорила тебѣ, что съ тобой отецъ

трудно жить, и чѣмъ больше я къ тебѣ приближаюсь, тѣмъ эта трудность становится для меня очевиднѣе. Не знаю отъ тебя того, что жила ты оставшись такою, какою ты есть, а готова ринуться скоро въ великую новую жертву, чѣмъ на эту. И не отрицай твоихъ хорошихъ качествъ; жаль отдалять отъ тебя на твои внутреннія качества, а твои вѣчныя компаньоны твои привычки, привычки и суевѣрія; знаю, я не могу бороться съ тобою ни въ чемъ, что касается мірскаго міра. На жаль приходится также по-настоящему подлиннымъ дѣломъ твою великую любовь, ты вѣдала любовь на то, что небыло, твой міръный адъ, твои странныя сужденія, пахлякляемые твоимъ тономъ пороченія оракула; все это гнететъ меня, но никакъ не убѣждаетъ. Твои безкомпромиссные споры, твои вѣчныя жалобы на глупость міра и въ частности твоего—нельзя не считать по крайней мѣрѣ давить меня, тѣмъ конквистадо.

Эти слова Катери, сказанныя 19-го дѣтскому консулу, въ высшей степени характерны: они показываютъ, что задатки несомнѣнно, прошедшаго красивое нѣмъ слово всю жизнь. Швантатура в скарманнаго чуть не въ надлохъ строкъ: его послѣдующихъ приключеній, весьма живо и рельефно обнаруживая въ немъ, въ великому остротѣ и неудовольствію его жинералостной Катери, рас въ тѣлохъ корастѣ, въ которыхъ міръ для другихъ людей обыкновенно представляется еще въ своемъ редукирующѣмъ сѣбѣ. Десятидѣтній поселился поселился въ Веймаръ отдалено отъ лѣтнихъ обществъ Катери.

Молодой человѣкъ жертвенно сталъ стремиться къ достиженію новой лѣтнейной въ себѣ нѣмъ. Уроки нѣмольныхъ дѣлающихъ профессоровъ и продолжая эту способность къ изученію языковъ, получивъ эту довольно быстро получить свои одностороннее и далеко не систематическое первоначальное образованіе. Поселившись въ домъ вѣдѣнаго въ свое время философа Пассона, онъ подъ его руководствомъ дѣлалъ быстрые

успѣхъ въ знакомствѣ съ классическими языками и съ классической древностью; кромѣ того онъ занимался латинской грамматикой и латинскими синтаксисомъ у знаменитаго Латиниста Ланда, директора рейнской гимназіи, который въ то-же время былъ историкомъ и математическія познанія. Съ замѣчательнѣею рѣшительностію работая не только цѣлые дни, но и по ночамъ, вѣкъа онъ, 21-го года отъ роду, поступилъ въ главный въ то время геттингенскій университетъ, то оказался настоящимъ основательно и многосторонне подготовленнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій, какъ можно видѣть изъ его тетрадей.

Сначала онъ занимался на юридическій факультетъ и слушалъ лекціи въ естественной исторіи, но заторѣ, подѣлившись Г. К. Шульце, заинтересовался философій и перешелъ на философскій факультетъ. Этотъ Шульце имѣлъ самое рѣшительное благотворное вліяніе на будущаго знаменитаго философа, побуждалъ его прежде всего заняться тщательнымъ изученіемъ Платона и Канта и не брать въ руки ни Аристотеля, ни Спинозу, пока онъ не ознакомится основательно съ новопоявившимися двумя мыслителями. Такъ въ крайней мѣрѣ Шопенгауэръ самъ передаетъ объ этомъ въ изданномъ имъ послѣдствіи автобиографическомъ замѣткѣ. Въ Геттингенѣ Шопенгауэръ пробылъ съ 1809 по 1811-й годъ, и здѣсь имъ университетскихъ товарищей своихъ особенно близко сошлись съ знаменитымъ послѣдствіемъ Бухлевымъ. Будучи нелюдимъ по природѣ, онъ не принималъ почти никакого участія въ обычной шумной студенческой жизни, и кругъ его знакомства ограничивался лишь очень немногими товарищами, къ числу которыхъ принадлежали поэтъ Фридрихъ Шульце, истокъ Ланге и американецъ Астора, едливѣйшее послѣдствіе архиепископомъ. Во время каникулъ онъ дѣлалъ экскурсіи въ Гарцъ, въ Веймаръ и въ Эрфуртъ, гдѣ ему пришлось побывать во время знаменитаго Эрфуртскаго конгресса и быть участіемъ синадодѣ

работавша германскихъ владѣтельныхъ князей передъ Наполеономъ. I. Но этотъ молодой мыслитель, уже посинѣвшій въ это время съ пламенъ своего будущаго капитальнаго труда о «жизнѣ какъ воли», принадлежому не слишкомъ-то интересовався этой волей, возмущенней въ человѣка и возмущаемой Наполеономъ. Гораздо болѣе интересовалъ будущаго замѣнителе философа другой человѣкъ, гдѣсь котораго представлялъ собою прямой контрастъ съ гегелемъ Наполеономъ: онъ еще въ дождь матери своей познакомился съ Гете, который относился въ высшей степени благожелательно къ молодому человѣку, и съ этого поръ сталъ писать къ нему, вопреки основаніямъ свѣдѣній, своего характера, восторженное благоговѣніе, называя его самымъ великимъ человѣкомъ германскаго народа.

Въ 1811-мъ году 23-хъ-лѣтній Шюпенгауэръ переселился изъ Кельна въ Берлинъ, куда его звали громко гремѣвшая въ это время философская репутация Фихте; но уже въ это время у молодого философа сложились слишкомъ самостоятельная манера мышленія, для того чтобы всецѣло идти по стопамъ этого мыслителя, часто ударишкагося, по мнѣнію Шюпенгауэра, въ себяшечку. Онъ очень привлекно воспринялъ лекціи Фихте, неоднократно вступающа съ послѣднимъ въ диспуты во время лекціоннаго, устранившаго послѣднимъ; но уже вскорѣ апріорное прокламацие его передъ Фихте, по его собственнымъ словамъ, уступило мѣсто превозбрженію и извѣшкѣ. Одновременно съ философией онъ усердно продолжалъ изучать въ Берлинѣ и естественныя науки, — физикъ, химію, астрономію, геологію, филологію, анатомію, зоологію; онъ же приобреталъ также классическими языками, слушая лекціи Волфа, Бека, Бернгарди и др.; только юриспруденція и богословіе не привлекали его къ себѣ, и въ этомъ отношеніи въ его образованіи оказалась значительная пробѣла, скомпанованій въ всей его послѣдующей дѣятельности. Гораздо болѣе лекціи Фихте интересовали

его лекціи Шлебергера по исторіи средневѣковой философіи, хотя онъ находилъ послѣднія неуживчивыя пнѣтиской окраски. Наконецъ, онъ прослушалъ также курсы по скандинавской поэзіи, читалъ классическихъ писателей эпохи «Возрожденія» — Монтеня, Рабля, и др.

Тогдашнія смутныя времена были однако не особенно благопріятны для мирныхъ научныхъ занятій. Во время пребыванія его въ Берлинѣ стала жерснуть ороо блястѣвшая до сихъ поръ звезда Наполеона и всюю Германіею, не исключая и университетскихъ кружковъ, овладѣлъ пламенный патристическій энтузіазмъ. Но Шопенгауэръ, несмотря на свои 24 года, былъ совершенно чужды этого энтузіазма, что дало имѣдетіи неоднократно выказывало на него упреки въ недостаткѣ патристизма. Онъ только что собирался дорекать въ Берлинѣ докторскій экзаменъ, когда сомнительный исходъ сраженій при Бауденѣ и Лейпцигѣ заставилъ его покинуть Берлинъ и искать болѣе спокойнаго для его научныхъ занятій убѣжища въ Саксоніи. Во время его двѣнадцатидневнаго бѣгства въ Дрезденъ онъ очутился въ самомъ разгарѣ военной сутолоки; между прочимъ бургомистръ одного городка, зная случайно, что Шопенгауэръ хорошо владѣетъ французскимъ языкомъ, обратился къ его услугамъ, и ему пришлось идти на себя роль переводчика. Это онъ провела въ деревнѣ, во владѣніи отъ саксонскаго городка Рудольштадта, гдѣ онъ, среди окружающаго его военного шума, обдумывалъ планъ своего сочиненія «О четверенковѣ корифѣ закона достаточнаго основанія». Въ началѣ октября іенскій университетъ, на основаніи присланной Шопенгауэромъ диссертаціи, затѣяно провозгласилъ его докторомъ философіи, а на зиму онъ переселился къ матери, въ Веймаръ. Но здѣсь разнѣе между характерами матери и сына сказались сильно, чѣмъ когда-либо. Умная, образованная, даже въ юности ифѣ талантливая Анна Шопенгауэръ не могла вынести и терпѣности оособынности и капризовъ своего сына. Къ этому различію въ харак-

трусах присоединялось еще и то, что Шпенгауэр, бережливый и расчетливый съ юныхъ лѣтъ, не одобрялъ слишкомъ широкаго, по его мнѣнію, образа жизни матери: она считала, и безъ основанія, что та дѣятельность, къ которой она чувствовала призваніе и къ которой считала себя призванною, вредна-ли въ состояніи будетъ обеспечить его матеріальное существованіе, и потому особенно дорожила сохраненіемъ въ возможной неприкосновенности оставшагося отъ его своему семейству состоянія.

Анна Шпенгауэръ, какъ женщины очень неслучай, понимала, что она и сынъ ея положительно не сходятся характерами. Вотъ что она какъ-то писала ему по этому поводу: «Я полагаю, что ты найденъ для насъ обоямъ поманитъ, если взаимные отношенія наши установятся такъ, чтобы обоюдная наша независимость не подвергалась ущербу и чтобы и въ частности сохраняла непринужденное, мирное и независимое существованіе, которое имѣетъ въ свою жизнь отраду. Итакъ, Артуръ, устранивъ свое существованіе такъ, какъ будто-бы меня здѣсь вовсе не было, за исключеніемъ того, что между 1—3 часами ты ежедневно будешь приходить ко мнѣ обѣдать. Вечера каждый изъ насъ будетъ проводить какъ надумается, кромѣ двухъ вечеровъ въ недѣлю, когда у меня собирается общество: въ эти вечера, само собой разумѣется, ты будешь приходить, проводить время съ гостями. и, если захочешь, оставайся хотя цѣлый вечеръ и ужинать: въ остальные дни недѣли ужинай и чай пить ты будешь у себя дома. Такъ оно будетъ лучше, милый Артуръ, для насъ обоимъ: иметь свободномъ въ сохранитъ теперешнія наши взаимныя отношенія. Да и твою независимость черезъ это поддержать. Что касается развлеченій, то ты будешь располагать тремя вечерами для посѣщенія театра, а два вечера—проводить у меня. Полагаю, развлеченій достаточно хотя бымы, что мои вечера пожалуй покажутся тебѣ еще заниматель-

нами, чтобъ для тѣхъ гостей, которые, будучи старше насъ, имѣли передъ тобою преимущество, играть на вторыхъ былье видную роль. Ты оказался единственнымъ способъ молодымъ человѣкомъ въ нашесъ общество; но интересъ заходить въ одной средѣ съ Гуте вознаграждаетъ тебя, ну какъ думать, за вослане, котораго ты, быть можетъ, у меня не найдешь... Ты будешь для меня замѣняющимъ гостемъ я, чтобы сгладить твоѣ пребываніе въ Веймарѣ, я сдѣлаю все, что въ состояніи буду сдѣлать, но жертву конечно собственною свободою и покоемъ».

По мнѣнію одного изъ биографовъ Шюенгауэра, Зейдлица, это письмо его матери, разто какъ и приведенное выше, писанное по поводу предлагаемаго перемѣненія Артура въ Веймаръ, имѣетъ описывать Артура Шюенгауэра и точно характеризуетъ его, какъ онъ былъ не только въ юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ. «Мать, изъ снисходительности отнестись къ писанному письму то, что составляетъ неотъемлемую черту внутренняго свойства сына, а то, что вѣрнѣе описываетъ происшедшее и въ писемной мужѣ ея, дѣлалъ жизнь ея нѣтъ довольно тяжело. Призыву юности и молодого человѣка принадлежатъ слѣдующе приговоры жестко объяснились, унылымъ самоубійствомъ. Разбитая въ Артурѣ Шюенгауэрѣ вѣра въ свою возмужалость, его жалкія вѣдѣнія и внутренняя безцерковно пародия на почвѣ прирочкованной универсальности первой системы и изъ юности юности оставили въ немъ мученіе, какъ жѣсто вытекающее изъ произвола; но нѣтъ съ тѣмъ жалкія не пожалѣть о томъ, что никто не былъ настолько близокъ Артуру Шюенгауэру, чтобы ласкою и упреждающимъ прочно и благотворно повліять на эти особенности его душевнаго строя».

Съ сестрой своей Адальдою, которая была на десять лѣтъ моложе его и несомненно во многомъ на него имъ вліяніемъ, имъ характеромъ, это тоже не

ладить, и таинствъ образокъ оставался одиночекъ, даже жила въ семейной обстановкѣ.

Около этого-же времени онъ познакомился съ извѣстной въ то время актрисой Игнатьевъ и серьезно увлекся ею. Онъ впоследствии самъ признавалъ, что одно время былъ даже въ прощ. жениться на ней; но этотъ его планъ разстроился и Шоенгауэръ остался на всю жизнь холостякомъ.

ГЛАВА III.

Поклоніе въ честь первыхъ научныхъ трудовъ Шпенглера.—Путешествіе его по Італіи.—Шпенглеръ добывается университетскій катедра.—Пріемъ, назначеній и пріисланныхъ соотечественниковъ.—Шпенглеръ, какъ профессоръ.—Шпенглеръ получаетъ профессуру и ономъ оправдываетъ суровыя отзывы.—Пріисланы Шпенглера съ евою Маріей.—Нѣмецъ Шпенглера въ Дрезденѣ.—Историческая коммисія Шпенглера назначается на профессорскій катедру.—Шпенглеръ окончательно отказывается отъ профессорской дѣятельности и переселяется въ Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Въ 1813-мъ году, когда Шпенглеру было 25 лѣтъ отъ роду, онъ издалъ на свой счетъ первый manuscriptъ въ печати трудъ свой, какъ который онъ усердно работалъ сначала въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Рудольштадтѣ: «О четвероюмъ вершій жизни достопочтеннаго основателя». Трудъ этотъ сразу обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе, потому что въ немъ были отрывки въ нѣкоторыхъ германскихъ изданіяхъ, горячія похвалы со стороны ученаго Шпенглера, геттингенскаго профессора Шульца. Однако среди большинства публики сочиненіе это прошло мало замѣченнымъ, — что отчасти находило себѣ объясненіе въ тогдашнихъ смутныхъ, возмущенныхъ и политическими обстоятельствахъ, переживаемыхъ Германіей, — и Шпенглеръ не только ничего не получалъ отъ изданія этой книги, но ему даже пришлось понести довольно чувствительные убытки. — Здѣсь вѣ�тъ возможности быть приносимъ очень характерный анекдотъ, рассказанный его биографами. Когда онъ преподносилъ экзем-

паяръ своего сочиненія матеря, та, прочитавъ заглавіе, воскликнула въ шуточно-ироническомъ тонѣ: «А, здѣсь рѣчь идетъ о вереницахъ! Это вѣрно что-нибудь по части формации.» Смысль отпарировать эту насмѣлку матеря измѣнился, что его сочиненія будутъ читаться, и усильно читаться, въ такомъ пространствѣ, когда о бѣллетристическихъ произведеніяхъ г-на Алены Шпенггауэръ всѣ уже давно забыли.

Хотя, какъ сказано выше, Шпенггауэръ жилъ въ Веймарѣ не въ одномъ домѣ со своей матерью, а отдѣльно, однако все-же съ обществомъ и съ образомъ жизни до того ему не нравились, что онъ, прожилъ здѣсь около года, рѣшившись совершенно разлучиться съ матерью и поселиться въ другомъ городѣ. Молодой философъ-людики находилъ, что жизнь въ Веймарѣ слишкомъ жаловалась его и означалась отъ поставленной имъ себѣ цѣли. По этому поводу онъ слѣдующимъ образомъ отзывался о признакахъ и цѣляхъ философа въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ писемъ: «Философія—это алмазъ-ская перлина, къ которой ведетъ лишь крутая тропинка, прелещающая по каменьямъ и терніямъ. Чѣмъ выше человѣкъ забараста, тѣмъ становится пустыннѣе, и длиннѣе этой тропинки kommt только человѣкъ имѣетъ бѣе-страстный. Часто человѣкъ этотъ пробирается въ прѣстѣю, и онъ долженъ обладать здоровой головою, чтобы не подвергнуться головокруженію. Но зато міръ, изъ котораго онъ въпрямь сверху, представляется ему гладкимъ и ровнымъ, пустыни и болота исчезаютъ, вершины сглаживаются, диаволы не доисходятъ до него, онъ окруженъ чистымъ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ у ногъ его разстилается глубокая мгла».—И вотъ весной 1814-го года Шпенггауэръ переселился изъ Веймара въ Дрезденъ, знакомый ему еще по путешествіямъ, совершаясь имъ изъ дѣлствъ и отрочествъ вмѣстѣ съ родителями его. Здѣсь онъ задумалъ и написать капитальное свое сочиненіе: «Міръ, какъ былъ и представляется».

Несмотря на свойственную ему замкнутость, несмотря на граничившуюся самобытностью сдержанности его и сарказмичности, молодой философ вошел въ Дрезденъ почитать анахоретомъ и пользовался въ некоторыхъ кружкахъ исключительною любовью и уваженіемъ. Онъ особенно охотно посещалъ одну знаменитую Дрезденскую картинную галерею, основательное знакомство съ которою пригодилось ему впоследствии къ его трактатамъ объ искусствѣ, и, съ дѣтства страстно любя природу, много странствовалъ по окрестностямъ.

Освѣтивъ осенью 1818-го года своей грудью свѣтъ, какъ волѣ и предначинанію, Шюенгауэръ заключилъ договоръ съ издателемъ Прохаскузомъ, уплатившимъ ему по одному червонцу за печатный листъ, но, не дожидаясь выхода изъ свѣта сочиненія, надѣясь вторично оныя работать дѣлалъ четыре года и сдѣланнаго его имя замкнутыми, онъ отправился путешествовать по Италіи. Обладая довольно рѣдкою у нѣмцевъ способностью къ языкамъ, онъ прекрасно владелъ итальянскимъ языкомъ, что ему чрезвычайно пригодилося во время его пребыванія въ Италіи. Въ Римѣ, гдѣ ему пришлось пробыть дѣлалъ четыре мѣсяца, и въ Неаполѣ большинство его знакомыхъ были англичане; здѣсь онъ отчасти сбросилъ свою замкнутость и нѣмцѣ отдавался пылкимъ наслажденіямъ, природой и итальянской жизнью вообще. Изъ итальянскихъ поэтовъ Шюенгауэръ особенно высоко ставилъ Петрарку; но не долюбилъ Данта, находя его чересчуръ дидактическимъ, и не особенно высоко ставилъ Ариоста, Бокаччо, Тассо и Альфиери. Въ области искусства онъ обращалъ особое вниманіе на пластику и архитектуру древняго міра; къ живописи же чувствовалъ меншее влеченіе, хотя еще будучи очень молодымъ человекомъ, надѣясь вѣнчанъ босидѣ съ Гёте, написалъ очень дѣльный трактатъ о цвѣтахъ и краскахъ. Онъ охотно посещалъ оперу въ Италіи, и Россини была любимымъ его композиторомъ.

Во время пребыванія своего въ Италіи, Шюен-

гауэръ получалъ отъ сестры своей Адели письмо, извѣщающее его о томъ, что данцигскій торговый домъ, которому его мать вручила большую часть состоянія своего и Адели, обанкротился, причемъ обѣ сестры потеряли все свое состояніе; самъ Шоммгауэръ, по собственной ему осторожности и подозрительности, сохранилъ въ своемъ торговомъ домѣ лишь небольшую часть своего состоянія, такъ что банкротство г. М. означало въ действительности потерю 8,000 талеровъ, между тѣмъ какъ большая часть доставшагося ему послѣ отца состоянія осталась неприкосновенной. Хотя, какъ мы видѣли выше, Шоммгауэръ не особенно ладилъ съ матерью, однако онъ предложилъ ей раздѣлить съ нею и съ сестрою оставшуюся неприкосновенной часть своего состоянія, но обѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, отвергли это предложеніе.

Вообще, насколько Шоммгауэръ чтилъ память своего отца, настолько холодно и равнодушно онъ относился къ своей матери. Биографъ его, Ландверъ, комментируя не безъ некотораго осужденія, полагая, что Шоммгауэръ имѣлъ въ виду именно свою мать въ томъ мѣстѣ своего труда «Рассказъ», гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ жидовки изъ расточительности и объ ихъ неспособнѣсти къ веденію хозяйственныхъ дѣлъ. Вотъ, между прочимъ, что онъ говоритъ въ этой главѣ: «Вѣрнѣе всего, за всѣми заморскими исключеніями, склонны къ расточительности, поэтому настоятельно необходимо обозначить всякое малѣйшее состояніе, за исключениемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда обѣ сами приобрѣли его, отъ ихъ расточительности. Въ виду этого, и полагаю, что женщины, въ какомъ-бы возрастѣ обѣ не находились, никогда несли считать мораль совершеннѣйшими и что обѣ постоянно должны находиться подъ мужской опекой, — все равно, будетъ-ли то отецъ или мать, сынъ или правительственный агентъ, — подобно тому, какъ мы видимъ это въ Индіи: что ницъ никогда не смѣютъ предоставлять самовольно распоряжаться имуществомъ; а то, что мать находится даже въ силу закона

опекушкой и распродавательницей эстетическаго послѣдствія дѣтей своихъ, я считаю помыслительной нечеловѣчностью. Въ большинствѣ случаевъ такая женщина способна лишь проклатъ ее своимъ вторымъ мужемъ или лабонникомъ, то, что съ трудомъ и заботливостью признало общество для своихъ дѣтей, какъ мать тому учитъ еще старика Гомера. Родная мать, послѣ смерти отца своихъ дѣтей, часто превращается въ мачиху ихъ... и т. д.

Возвратившись изъ путешествія своего по Италии, Шпеннхузеръ, конечно можетъ быть послѣдствіемъ уменьшенія оптимизма своего взгляда, рѣшился домогаться профессуры. При этомъ онъ имѣлъ въ виду три университета: гейдельбергскій, геттингенскій и берлинскій. Онъ написалъ тремъ своимъ знакомымъ профессорамъ: Эвальду, Бархенбаху и Лихтенштейну, подержанная, согласно тогдашнему политическому умовению, что онъ намерѣвъ строго придерживаться области спекулятивной философіи и далеко отъ всякой мысли выйти на политическій складъ мыслей своего современника. Онъ писалъ, что его всегда занимало и, по складу его ума, будетъ занимать, лишь то, что является умственной дѣятельности людей въ ихъ жизни и въ ихъ странѣ, и что онъ считалъ-бы близкимъ себѣ издаваться изъ интересовъ данной страны или данной эпохи. Но его глубокое убѣжденіе, такими должны быть взгляды всякаго истиннаго ученаго. Въ статьѣ своей «Объ университетской философіи», напечатанной въ его «*Revue*», онъ между прочимъ говоритъ: «Если-бы предъ, приносимой людямъ непріятнѣйшими неспособностями, заключался лишь въ томъ, что они не приносятъ ей никакой существенной пользы, какъ мы видимъ то по отношенію къ художествамъ, — то еще куда-бы ни шло. Но адіасъ они приносятъ коимъ-то образомъ вредъ, прежде всего тѣмъ, что ради поддержанія дурнаго они заключаютъ тѣсный союзъ противъ всего хорошаго и вѣнчаютъ старикомъ одарять его. Ничто не въ состояніи примирить ихъ съ превосходствомъ ума, такъ оно было, есть и всегда будетъ. И такое странное большинство изъ нихъ

сторонѣ! Это—едва изъ главныхъ побѣдъ всякаго рода прогрессу челоуѣчества». «Люди, которые, вмѣсто того чтобы изучать мысли философа, — говорятъ изъ другой мѣстѣ Шпенггауэръ — стараются ознакомиться съ его біографіей, походять на тѣхъ, которые, вмѣсто того чтобы заниматься картикой, стали-бы дѣлаться рамкой картинны, сдѣлавъ достоинствѣ рисунка ея и степенью ея извѣстны. Но это еще—съ побѣды: а вотъ бѣда, когда біографы начинаютъ извѣдать изъ личной частной жизни и выискивать изъ ней разные мелочи, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ научной дѣятельности челоуѣка».

Отъ гейделбергенской профессуры Шпенггауэръ самъ отказался, такъ какъ до него должи служить господствовавшимъ среди тамошняго ученаго міра личнымъ друзьямъ. Въ Геттингенѣ ему предѣланы благожеланный пріемъ, но крайне ограниченное число слушателей; поэтому онъ въ концѣ концовъ остановилъ свой выборъ на Берлинѣ, куда и прибылъ летомъ 1820 года. Здѣсь Шпенггауэръ надѣлся найти достаточное число и общительныхъ, и добросовѣстныхъ слушателей, причемъ рассчитывалъ также и на то, что, сдѣлавшись въ первый разъ преподавателемъ, онъ въ скоромъ времени будетъ приглашенъ на казанскую ваканцію, со смертью Зельгера, катедру философіи.

Шпенггауэръ явился въ Берлинъ не извѣстнѣйшимъ, мало кому извѣстнымъ философомъ, но авторомъ большого, но весьма случай заслуживающаго вниманія труда: «Міръ, какъ воли и предстанетъ», года полтора тому назадъ появившагося въ печати. Нельзя сказать, чтобы этотъ трудъ привлекъ вниманіемъ. Еще въ третью томъ философскаго сборника «Гермесъ» проф. Гербартъ помѣстилъ обстоятельную рецензію на этотъ трудъ, въ которой онъ, самъ диаметрально расходясь съ авторомъ во взглядахъ, ставилъ его однако на одну линію съ Фichte и Шеллингомъ. Извѣстный Жанъ Поль Рихтеръ писалъ во введѣу труда Шпенггауэра: «Это

гениально-философское, сильное, многостороннее произведение, полное страсти и глубокомыслия, но часто безнадёжно и бездно-глубокое, наполненное собою тѣ обрамленными нахоними, отблесками скалами норвежскихъ озера, изъ которыхъ никогда не отражается солнце, надъ которыми никогда не проносится птица и которыхъ никогда не подернутая игрою рыбы».

Могъ-ли подобный человекъ ожидать успѣха на философской нивѣрѣ тогдашняго и будущаго университета, пропитаннаго духомъ фисистерства, туманнаго идеализма и погоня за абстрактомъ, достигавшагой слѣдять непримѣдную дѣятельность? Не отчаянъ ли, юна пренадлежителнаго дарованія, который отъ самъ горды и на которое одинаково унаималось безпристрастные его современники, абыли однако-же не принять того, что по своему содержанию своего преподаванія былъ такъ-же мало подходитъ къ общественой дѣятельности, какъ напримеръ Спенсоръ. Если къ этому присоединить еще столь сильное господствовавшее къ то время надъ молодыми умами вліаніе Гегеля и Шлегельмахера и ихъ много дѣловитыхъ послѣдователей, отнесшихся лано враждебно къ выходной точкѣ Шопенгауэрской философіи, и упорный, непоколебимый на компромиссы характеръ Шопенгауэра, то нельзя не прийти къ заключенію, что съ самаго начала представлялось весьма мало шансовъ на успѣхъность его профессорской дѣятельности. Уже изъ своей учебной лекціи, прочитанной, согласно существовавшимъ къ то время обычаямъ, на латинскомъ языкѣ, онъ не задумался объявить, что послѣ истиннаго мыслителя Канта, сужившаго вывести философію изъ вѣстную дорогу, арену философія заурядная софисты, дискредитированнаго философію и отбинуе ехоту заниматься серьезно ея изученіемъ; но не замедлитъ ляться мыслитель, который возмеконитъ эту дискредитированную философію во всѣхъ ея правахъ. Въ оставшихся послѣ смерти Шопенгауэра бумагахъ лашнѣхъ конспекты его берлинскихъ лекцій, изъ которыхъ видно, какъ добро-

свѣдѣнію оны отношенія къ пранитону на себя дѣла; по все-же не подлежать ни какому-либо сомнѣнію, что его философія принялась не во дворѣ тогдашней «молодой Германіи», соединившейся съ довольно своеобразными политическими и научными идеалами. Оны самъ въ этомъ не замедлилъ убѣдиться, и, послѣ довольно безуспѣшной годовой профессуры, весной 1822 года отъѣхалъ университетскую пыль съ себя своихъ и снова отправился путешествовать въ столь любимыя ему южно-германскія страны. Въ Берлинѣ оны ничего не нравилось: ни университетскія нравы, ни климатъ, ни образъ жизни. Во время пребыванія его въ Берлинѣ, оны очень мало проработалъ въ университетской сферѣ; консулентомъ своихъ въ области философіи оны представлялись побывать, такъ какъ, по дѣйствіямъ ученого міра была оны просто противны. Банжа оны сходилась съ нѣсколькими представителями египетскаго общества, хотя и дѣлалъ было крайне разборки въ ихъ мнѣніяхъ. Особенно сроднился оны Берлинъ послѣ трагическаго эпизода, случившагося съ нимъ здѣсь во время его непродолжительной профессуры. Дѣло это, довольно печальное, крайне раздражало Шлегелъ и вѣселило довольно продолжительное время. Заключалось оно въ слѣдующее. Въ августѣ мѣсяцѣ 1821 года знаменитый его квартирой хозяйинъ, г-жа Беккеръ, имѣя Каролина Марсель, привлекла Артура Шлегелъ къ себѣ на «скорбное свиданіе» и дѣлались. Въ письмахъ оны отъ отъчужденія на жалобу обвинительницы мы находимъ слѣдующее замечаніе этого удивительнаго дѣла:

«Введеніе на мою обивку — мнѣніе. Шлегелъ — представлять чудовищное состояніе или съ истинное... И мѣсяцѣ 16 явилась у меня Беккеръ обивочную квартиру, состоящую изъ кабинета и спальни; къ спальнѣ прилегалъ маленькая каморка, которою я сначала пользовался, но потомъ, за неудобствомъ, уступилъ хозяйкѣ. Послѣдніе пять мѣсяцевъ намеряю эту маленькую теперешнюю мою обивку»

тебяница. Передняя-же при квартирѣ всегда состояла исключительно изъ помывальнаго ящика и другого жидка, и время всѣхъ дней и минутъ случайныхъ гостей въ переднюю никому не слѣдовало показываться... Но недѣля за дѣй до 12-го августа, я, возвращаясь домой, засталъ въ передней трехъ женщины; но многія причины заставили меня не въходить въ нее и я, позвавъ хозяйку, спросилъ ее, исполнила-ли она г-жѣ Маркетъ сидѣть въ моей передней? Она отвѣтила мнѣ, что вѣтъ, что Маркетъ вообще изъ своей комнаты въ другія комнаты не выходитъ и что вообще Маркетъ въ моей передней ничего дѣлать... 12-го августа, придя домой, я опять засталъ въ передней трехъ женщинъ. Узнавъ, что хозяйка вѣтъ дома, я самъ приказала имъ выйти вонъ. Дѣйствъ нѣхъ помывальна. Безпримѣнно, обвинительница-же этого не сдѣлала, живя въ, что она — приличная особа. Подтвердилъ г-жѣ Маркетъ приказаніе удалиться, и вышла изъ своей комнаты. Пробылъ такъ нѣкоторое время, и, собираясь снова выходить изъ дому, опять вышелъ въ переднюю съ пинной изъ голени и съ палкой въ рукѣ. Узнавъ, что г-жа Маркетъ все еще находится въ передней, я хотѣлъ ей предложить удалиться; но она упорно желала остаться въ передней; тогда я приказалъ маневрировать ее вонъ, а такъ какъ она стояла на своемъ, то и я на своемъ дѣйствъ маневрировалъ ее за дверь. Она подняла крикъ, грозила мнѣ судомъ и требовала свое имя, которая я ей и выбросила; но тутъ, подѣлывая предположеніе, что въ передней осталась какая-то незамѣченная вещь, она снова вторглась въ мои комнаты; я опять ее выталкивалъ, хотя она этому сопротивлялась изъ вѣдѣхъ силъ и громко кричала, желая привлечь вниманіе. Когда я ее вторично выталкивалъ, она упала, во всей безпримѣнно умышленно; но увидѣвъ ее, будто я сорвалъ съ нея чепецъ и тыталъ ее ногтями — чистѣйшая лажъ: подобная дикая расправа не вѣстаетъ ни съ какою характеромъ, ни съ какою общественною необходимостью.

и испуганію; удалитъ Маркетъ за дѣръ, а се больше не трогать, а только писать ей въ должокъ крѣпкое слово. Въ этомъ я конечно провинился и поддежу за те наказанію; но помы-же остальные—ни какъ, такъ какъ я колебался лишь несообразнѣе вразумѣ охраня моего жаница отъ названныхъ коммитаментовъ. Если у нея оутѣшилъ осядныя и синныя, то я помыслилъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы она была получена преданномъ столбованію; но даже и въ послѣдствіи случилъ она должна вынести сама себя: тѣмъ незначительнымъ попрекденіемъ рискуеть подвергнуться разнѣ, кто держитъ въ осадѣ чужія дѣръ.— Въ первой инстанціи истины было отказу въ зѣтѣ; по суду второй инстанціи стѣпннѣ оуказательное рѣшеніе относительно Шоненгауэра,—который въ те время путешествовалъ по Швейцаріи,—и приговорилъ его къ уплатѣ 20 талеровъ штрафу и къ исключенію совершившей Маркетъ убытковъ, въ обезпеченіе сего изъ капиталы Шоненгауэра, хранившіся у банкира Менделсона, вложено было запрещеніе. Дѣло это тянулось по разнымъ инстанціямъ до 1826 года и кончилось тѣмъ, что Шоненгауэру все-же пришлось платить Маркетъ поминально по 60 талеровъ въ годъ. Она и выплачивала ей эту сумму въ теченіе дѣлныхъ 20 лѣтъ, до 1846 года, когда старуха наконецъ умерла. На предъявленномъ Шоненгауэру свидѣтельствѣ о смерти Маркетъ, освобожденной отъ дальнѣйшей уплаты поминальной пенсін, Шоненгауэръ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «*Obit una, abiit una*». (Отпала старуха, спалилось бремя).

Весною 1822 года, когда еще тянулся процессъ Шоненгауэра со старухой Маркетъ, она, отказавшись отъ берлинской профессуры, отправилась путешествовать,—сначала изъ Швейцаріи, а затѣмъ изъ Италіи, гдѣ провела осянь въ Венеціи и Миланѣ, а зиму—во Флоренціи. Весною 1823 года философъ изъ Италіи, черезъ Туринъ, проѣхалъ къ Мюнхену, гдѣ прожилъ около года. Въ Италіи она, какъ и во время перваго путе-

шества своего, предпочитать общество англичанъ и тщательно избѣгать нѣмцевъ. Въ Мюнхенѣ Шопенгауэръ вынесъ такую болѣзнь, вследствие которой почти сошелъ слухъ на одно ухо, и оттуда отправился лѣтомъ 1824 года лечиться въ Гамбургъ. Изъ Гамбурга онъ снова прѣхалъ въ Дрезденъ, который былъ пріятенъ ему еще по прежнимъ воспоминаніямъ. Понятно, что въ природа Саксонія, въ строй жизни саксонской столицы не могла сильно-нибудь резко выказаться за послѣдніе десять лѣтъ. Но много въ немъ прежнихъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Шопенгауэръ теперь уже не засталъ здѣсь, а главное — личное настроеніе Шопенгауэра теперь уже не было то-же, что прежде. Онъ теперь пересталъ уже ожидать для себя великой будущности, и не выходя полного душевнаго успокоенія, задумалъ здѣсь переводить творенія знаменитѣйшихъ, но мало извѣстныхъ мыслителей минувшаго вѣка, болѣе или менѣе близкихъ ему по духу, въ надеждѣ подготовить этимъ путемъ публику къ усвоенію его собственныхъ философскихъ взглядовъ. Въ такихъ видахъ Шопенгауэръ принялъ было за популярное изложеніе философскихъ сочиненій Дэвида Юма, написалъ длинное къ нему предисловіе. Но обстоятельство, причинивъ заглавный въ переводѣ не состоялъ, о чемъ, какъ пишетъ биографъ Шопенгауэра, Фрауэнгольдъ, свѣдѣлъ не повѣстись, такъ какъ, при несомнѣнной способности Шопенгауэра къ переводу, — о которой дана ясное понятіе отрывные отрывки английскихъ писателей, введенные въ составъ его сочиненій, — в переводѣ твореній Юма оказались бы образцовыя, тѣмъ болѣе что Юмъ, подобно Вольтеру, принадлежалъ къ числу писателей, наиболѣе любимыхъ Шопенгауэромъ по духу, а потому имъ особенно часто цитируемыхъ. И отлично ясно изъ бесѣды съ Шопенгауэромъ, что онъ и наѣ рекомендавалъ прочесть діалогъ Юма».)

Переводъ Шопенгауэромъ сочиненій Юма остался

водоочисти́вать за писани́на отъѣздомъ Швейцарца въ Берли́, названна́я инаи́боимнута́я профессо́ръ его съ г-же́й Мари́ей, прозира́ющая въ первой ин-ста́нціи. Въ это́му-же вре́мени отъи́снен и вторичная попытка его читать лекціи въ берлинское́ университетѣ, въ качествѣ уже́ призна́ додѣста. Но и эта попытка его оказалась неудачной: въ числѣ записавшихся на его курсы слушателей было очень мало дѣйствительныхъ студентовъ, а фигурировало больше разныхъ дилетантовъ. Раздосадованный Швейцарецъ закрылъ свои курсы и разъ навсегда отказался отъ всякой дальнейшей мысли о профессорской дѣятельности. Но онъ продолжалъ жить въ Берли́, усердно занимался, между прочимъ, непонятнымъ языкомъ и переводомъ нѣкоторыхъ своихъ любимыхъ английскихъ поэтовъ на нѣмекій языкъ. Въ этому-же періоду его берлинской жизни относился и знакомство его съ Александромъ Гумбольдтомъ, въ которомъ Швейцарецъ прочелъ призна́ большаго ученаго, о́накъ уже.

Наконецъ, въ 1831 году свирѣпствовавшая въ Берли́ холера заставила Швейцарца окончательно покинуть этотъ городъ. Онъ рѣшился поселиться во въ Саксоніи Германіи, гдѣ онъ родился и гдѣ провелъ большую часть своей жизни до зрѣлаго возраста, а въ Юкней, и избралъ резиденціей своей Франкфуртъ-въ-Майнѣ. Отсюда онъ ненадолго переселился было въ Мангеймъ, но въ 1833 году вернулся во Франкфуртъ и съ тѣхъ поръ прожилъ въ этомъ городѣ почти безпрерывно двадцать восемь лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Наружность и манеры Шенштадтера. — Кто любимаго сестры. — Писмо его къ избирателю. — Переписка его съ Гюгеномъ. — Шенштадтеръ и епископство. — Когда онъ въ сѣмъ-убѣдѣнъ. — Обращеніе къ нему. — Волѣны и манеры Шенштадтера. — Писарюны его. — Подробная рѣчь Гюгеномъ. — Писемность въ манерѣ Шенштадтера. — Рѣчь Гюгеномъ Шенштадтеру.

Наружность Шенштадтера биографъ его описываетъ слѣдующимъ образомъ. Это былъ человѣкъ нѣсколько ниже средняго роста, прѣмного тѣлосложенія, стройный и съ гражданскою головою; но особенно замѣчательны были его сѣсныя, блестящія, голубые глаза, обращеніе на себя, во время многоречивыхъ его страстныхъ, внимательныхъ подовъ, совершенно ему незнакомыхъ. Одни находили въ немъ некоторое сходство съ Бетховеномъ; другіе утверждали, что лицо его, и въ особенности чертаніе его рта, напоминало себѣю Вольтера. Одѣвался онъ всегда чрезвычайно просто, сохранялъ впрочемъ, попреки современнѣмъ модѣмъ, покрѣй платья конца истиннаго столѣтія. — Мало общителенъ и въ молодости, онъ, послѣ своихъ университетскихъ лудачъ, сталъ еще болѣе чуждаться общества. Поселившись окончательно во Франкфуртъ-на-Майнѣ, онъ старался держаться какъ можно дальше отъ жетныхъ интересовъ, мало сходясь съ окружающими его людьми. Онъ горѣлъ не могъ не только сѣтвенныхъ, но и обидныхъ разговоровъ; но когда ему пришлось говорить въ об-

простой, она никогда не говорила отвлеченными фразами: ее разговорная речь была так-же проста, наглядна, ясна, точна и жива, как и ее слог. Суждено устранивъ отъ себя личные интересы, заботы, радости и огорченія семейной жизни, и отнестись довольно безучастно къ явлениямъ жизни общественной, она сосредоточивала все силы своего ума на томъ, что въ древности называлось диалектикой, т. е. на искусствѣ вести разговоръ исключительно въ области чистаго мышленія. Работѣ съ тѣмъ она восходила изъ того основанія, что глубина мысли не только не исключаетъ красоты изложенія, но, напротивъ, вынуждаетъ отъ нея. Какъ-бы изнеможенная иль жалея ни казалась перее односторонней, работа было не признавать манеры его излагать ихъ въ мысленной сферѣ убедительное.

Шопенгауэръ, задумывая полное изданіе своихъ сочиненій, желалъбыла посвятить въ заголовокъ его библиографъ: «*Mein Leben*». Этотъ библиографъ действительно какъ нельзя лучше характеризуетъ его, какъ ученаго. Шопенгауэръ знаетъ много, но не много. Ни изысканность, ни оригинальность не поражаютъ своего обширности. Она съ клякотью привычки ограничивать свои ученые извѣстія научными сравнительно незначительными, но зато изысканными сочиненіями. Такъ, напр., она почти вовсе не слѣдила за современною ему литературой во всѣхъ ея развѣтленіяхъ; но за то сама она что читала, то читала это обстоятельно, внимательно и иногда оспаривала своихъ предметы. Уже одно то обстоятельство, что она читала довольно медленно, показываетъ, что она не въ состояніи была прочесть сравнительно много. Она утверждала, что не слѣдуетъ читать много книгъ, потому что подобная книги крадутъ у человѣка самое драгоценнѣе его достоинство — время. Она предпочитала книги на иностранныхъ языкахъ, французскіе и особенно охотно читала греческихъ и латинскихъ классиковъ. Уже при изученіи древнихъ языковъ Шопенгауэръ прочелъ наибольшее количество классиковъ; съ другими же она-

воинныя изслѣдованія Платона и Аристотеля онъ не считалъ по-настоящему разн. Изъ любимыхъ писателей его были Сократъ. Вообще онъ тщательно избѣгалъ знакомиться съ писателями классическаго міра и въ вторыхъ рукахъ, изъ исторіи литературы, особенно возмущала его манера многихъ современнѣе ему философовъ знакомиться съ мыслителями древности не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ, какъ-то Дидли, по его убѣжденію, напр., Фихте, Шеллингъ и Гегель. Это желаніе его получать свои знанія изъ вторыхъ рукъ заставляло его также, по возможности, избѣгать переводовъ. Онъ требовалъ отъ истиннаго ученаго знакомства, во крайней мѣрѣ, съ самыми живыми литературными націями, хотя это и не помогло ему самому иногда заниматься переводами. Незнакомство съ латинскими языкомъ. Шопенгауэръ просто считалъ неумѣющимъ. Изъ современныхъ литературъ онъ особенно всего занимался англійскою, причемъ ему особенно пригодилось его основательное знакомство съ англійскими языкомъ. Онъ чувствовалъ особое влеченіе къ азиатской и мистической литературѣ и одно время даже тщательно изучалъ германскихъ мистиковъ. Религ. родственное буддизму понятіе на египетской мифѣ привлекало къ себѣ его вниманіе. Би-графъ его Ганшперъ приводитъ слѣдующій интересный списокъ тѣхъ міровыхъ произведеній, которыя составляли любимое его чтеніе; это были: 106-е писмо Сократу, начало сочиненія Гоббса «О гражданствѣ», «Принципы Математики», объясненія Платона къ Локру въ «Гамлетѣ», «Принципы Гражданства», французскіе моралисты, Шантемонтъ и Квинтеръ. Вспомненіе всей своей жизни Шопенгауэръ относился съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ великимъ поэтамъ всѣхъ временъ и народовъ; часто всего онъ читалъ Шекспира и Гёте, затѣмъ Кальдерона и Байрона; особенно же восхищался байроновскими «Кавказомъ», очевидно вслѣдствіе pessimistическаго дуза, который пронизано это произведеніе. Въ лириковъ онъ, послѣ Петрарки, ставилъ особенно ма-

сою Барнеса и Бюргера, причемъ послѣднему, по непосредственности и силѣ дѣйствія, тотчасъ были отнесены дѣйствительность же послѣ Гёте; наконецъ Шпенглеръ относился съ уваженіемъ и къ Шаллеру, но сѣдуча въ этомъ отношеніи примѣру «*serius ferius*» его мужа. Поэтому, изъ второсортныхъ и третьестепенныхъ онъ вовсе не читалъ, вѣдая, что за чтеніе ихъ онъ стоитъ тратить время. Основательному усвоенію изъ массы прочитаннаго способствовалъ его колоссальная память.

Но Шпенглеръ померилъ свое знаніе далеко не на однихъ книгъ. Привыкнувъ къ крошечной дѣтѣ, чрезвычайно внимательна къ окружающей обстановкѣ, знаменитый философъ постоянно расширялъ уютный кругъ, разбрасывая вкругъ себя круги всеуда, гдѣ была хотя-бы малѣйшая надежда найти ее. Онъ тщательно слѣдилъ за всѣми небесными или земными явленіями, причемъ однако болѣею частью рѣдко рассуждалъ съ общепринятыми мѣрами: чаще то, что привлекаетъ другихъ и что считается или въ высшей степени важнымъ, онъ оставлялъ безъ малѣйшаго вниманія, а наоборотъ то, что игнорировалось другими или видѣ чѣмъ другимъ несмѣлывалъ, получало въ его глазахъ величайшее значеніе.

Образъ жизни Шпенглеръ былъ необыкновенно примитивный. Разъ онъ призналъ что-нибудь разумнымъ и имѣлъ въ себѣ достаточный запасъ, онъ уже не переставалъ придерживаться того съ педагогической строгостью. Были такіе люди, которые не умѣли извлекать пользы изъ своего опыта; но для Шпенглера всякій новый опытъ, сдѣланный въ какомъ-бы то не было направленіи, становился руководящимъ началомъ къ дальнейшимъ его дѣйствіямъ, и онъ продолжалъ идти въ данномъ направленіи съ жгучею послѣдовательностью. Шпенглеръ вставалъ лѣтомъ и зимой между 7 и 8 часами утра, причемъ пилъ кофе, который самъ собі готовилъ; его женою было разъ навсегда строго-на-строго приказано даже не доходить по утрамъ въ его рабочую кабинетъ, такъ какъ онъ считалъ утрен-

гдѣ онъ иногда навѣщалъ одного старца своего пріятеля, а недалекихъ горъ Тауруса онъ никогда не забирался въ послѣдній періодъ своей жизни.

Послѣ прогулки Шенкгауэръ отправлялся въ кабинетъ для чтенія. Съ юныхъ лѣтъ онъ усвоилъ себѣ привычку, если не прчитать, то по крайней мѣрѣ просматривать ежедневную газету «Тіме»; кромѣ того онъ просматривалъ еще кое-какіе англійскіе и французскіе журналы, а изъ нѣмецкихъ периодическихъ изданій читалъ обыкновенно «Гуттенберговія юнныя женщины», «Гейдольбергскій Ежегодникъ» и «Литературный Листокъ» извѣстнаго Волфганга Менцеля, который ему нравился по тѣмъ, что «умѣлъ писать заманчивою и поразительною речевью, на подобіе англійскаго и французскаго, между тѣмъ какъ нѣмецкіе критики и рецензенты только наводили туманъ на читателей и утомляли ихъ». Желая рецензента, по его мнѣнію, достичь заключенія въ возможно болѣе тонкой передачѣ содержанія книги, которая извѣстна-бы читателямъ отъ труда прорывать самую книгу. Особенно любилъ онъ все болѣе и болѣе разпространявшееся въ германской печати море нѣмецкаго языка разными перекривками. «Нѣмецъ—говаривать онъ—не въ состояніи уберечь даже то единственное богатство свое, которое онъ имѣетъ гордиться».

Въ своей корреспонденціи Шенкгауэръ, несмотря на серьезность и даже кажущуюся суровость, издаетъ человечность въ высшей степени остроумную. Собираясь наприказъ приступить къ 2-му изданію своего «Міра, какъ моя непредставленіе», онъ написалъ слѣдующее остроумное письмо къ своему наборщику:

«Любимый г. наборщикъ! Мы относимся другъ къ другу, какъ душа къ тѣлу; поэтому, по примѣру послѣднихъ, мы должны оказывать другъ другу взаимную поддержку, въ видахъ созданія такого труда, которое заставило-бы возникнуть сердце господина Брокгауза (издателя). Я съ этой цѣлью сдѣлалъ все, что

отъ меня зависитъ, и на каждой строчкѣ, при каждомъ словѣ, даже при каждой буквѣ, думаю о васъ, — о томъ, съумѣете-ли вы проесть написанное. Теперь сдѣлайте же и вы то, что отъ васъ зависитъ. Румынск. моя пѣсня не изощрена, но очень четкими и точными. Тщательная отдѣлка труда моего вынуждена необходимостью множить вставки; но при каждой вставкѣ ясно обозначено, куда она относится, такъ что вы въ этомъ отноше- нии не можете впасть въ ошибку, лишь-бы вы были достаточно внимательны и прониклись увѣренностью, что все въ порядкѣ и что нужно только подыскать для каждой вставки на своемъ соотвѣствующее слово. Прошу васъ также обратить должное вниманіе на мое пра- вописаніе и на мою пунктуацию, и, пожалуйста не по- ображайте, будто вы связываете въ этомъ отноше нии моего: централь—я душа, а вы тѣло. Если вамъ гдѣ-либо встретится корректурная строка, то несмотрѣ- тельно переносите, не найдется-ли въ этой строчкѣ незамѣреннаго слова; отнюдь не допускайте предполо- жения, что здѣсь мнѣ случится надсмотрѣ съ моей стороны. Если вы не желаете выдать для себя лич- ные корректурный трудъ, то избавьте меня отъ необ- ходимости присылать многочисленные поправки на корректурный листы.»

Не лишена также интереса переписка его съ кни- гоиздателемъ Брокгаузомъ по поводу предпринятого имъ въ 1843-мъ году второго изданія перваго тома своего сочиненія «*Die Welt als Willе и пр.*» и изданія вто- рого тома того-же труда. Она писана по этому поводу:

«Вы, надѣюсь, найдете явнымъ естественнымъ, что я обращаюсь къ вамъ, предлагая вамъ выдать второй томъ моего «*Мира, какъ воли и представленіе*», только что мною оконченный. Быть можетъ, васъ удивитъ только то, что я закончилъ его лишь 24 года спустя послѣ перваго, хотя я за все это время не переставалъ трудиться надъ нимъ. Но то, что должно существовать долго, создается медленно. Ослѣдственная редакція его —

туды послѣднихъ четырехъ лѣтъ, и я приступалъ къ ней, убѣдившись въ томъ, что мнѣ пора кончить: мнѣ только что минуло 46 лѣтъ, значить я вступаю въ такую юность, когда жизнь становится все болѣе и болѣе проблематичною; даже въ томъ случаѣ, еслибы она еще продолжалась, то все же увѣренными силы начинаютъ слабѣть. — Этотъ второй томъ является значительнымъ преимуществомъ передъ первымъ и основанъ въ немъ, какъ законченная картина изъ простому взгляду. Преимущество это заключается въ солидности и богатствѣ мыслей и понятий, которыми могутъ дышать лишь плоды цѣлой жизни, проведенной среди усильныхъ заботъ и размышлений. Во всякомъ случаѣ этотъ томъ — наилучшее изъ всего когда-либо мною написаннаго; онъ даже отъчасти является значеніемъ и первымъ тома. Въ томъ-же я имѣлъ возможность выразиться теперь гораздо свободнѣе и правдѣе, чѣмъ 24 года тому назадъ: отчасти вслѣдствіе того, что изменилось самое время, отчасти же вслѣдствіе того, что рѣшительный отказъ отъ профессуры и отреченіе отъ университетской науки развили мнѣ рука. Я очень желалъ-бы, чтобы вы рѣшились перепечатать и первый томъ для того чтобы приращеніе, значеніи и достиженіи, которое до сихъ поръ не признавали, явились въ новомъ и улучшенномъ видѣ, могло бы служить въ себѣ заслуженное вниманіе публики, что особенно желательно въ настоящее время, когда упадокъ религиознаго чувства вызываетъ запросъ на философію, а следовательно увеличиваетъ и интересъ къ послѣдней, а между тѣмъ не достать того, что могло бы удовлетворить этотъ запросъ: труды такъ называемыхъ философовъ, какъ всего способны достигнуть этой цѣли. Поэтому я вѣдожу время какъ весьма болѣе удобнымъ для того, чтобы снова выступить съ моимъ приращеніемъ, и я какъ нельзя болѣе желаю изменить именно къ этому времени второй томъ его. Но все-же не мнѣ будутъ относиться съ той-же несправедливостію, съ какою относились доселѣ. Исторія литературы учить

ность именно тому, что вся солидная, долговечная произведение находилась началѣ въ преобращеніи, подобно тому, между тѣмъ какъ пользовалась комму-нальнымъ механизмомъ и почтительно посредственность. И мое время должно-же когда-нибудь наступить, и наступить... Вопросъ объ умѣть мнѣ когда-нибудь гонора-ра предоставляю на ваше благоусмотрѣніе: я рабо-тать не изъ-за денегъ. Съ другой стороны, я очень хо-рошо понимаю, что расходы по принтію и на бумагу для такого обремененнаго труда будутъ весьма значи-тельными и могутъ быть покрыты лишь въ достаточно продолжительное время. Поэтому — я предоставляю вамъ утѣшиться усніемъ этого изданія. Какъ-какую пубliku я уже теперь приобретаю себѣ, и со временемъ эта ко-ммуна публика превратится въ пубliku очень многочис-ленную, пречемъ мой трудъ дождется многихъ изданій, хотя правда-ли мнѣ придется долить до нихъ». — Когда-же Брокгаузъ откликнулъ на предложеніе Шопенгауэра отка-завъ, франкфуртскій философъ-эпикурейскъ написалъ ему слѣдующее: — «Вамъ отказъ быть для меня столь-же несладкимъ, какъ печалью. Я желалъ сдѣлать пу-бликѣ подарокъ и притомъ весьма цѣнный; но недо-бавляю еще мнѣ самому читать вамъ за этотъ подарокъ — это уже слышавъ. Если дѣло дѣйствительно дошло до того, что не найдется издателя, который рискуетъ-бы типографскими расходами для изданія труда всей моей жизни, между тѣмъ какъ телесная болѣзнь надор-живается по вѣселяку изданій, — ну, такъ пускай-же мой трудъ появится въ посмертномъ изданіи, когда на-родится то поколѣніе, которое радостно встрѣтитъ каж-дую мою строчку. А время это когда-нибудь да наступитъ...» — Въ концѣ концовъ Шопенгауэръ договорился съ Брокгаузомъ и тотъ напечаталъ оба тома его «Мира, какъ былъ и представленіе» на предлагаемый Шопен-гауэромъ условіяхъ.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ вошла мода на сто-ицизмъ, Шопенгауэръ отнесся къ этой странной

ходъ совершенно серьезно, служить единою, со свойственными ему остракиемъ, придать в этой деятельности серьезную, философскую подкладку. Въ апрѣлѣ 1852-го года Шопенгауэръ писалъ Линднеру: «Вашеднее въ послѣднее время въ мнѣ становится достоянiемъ, когда-нибудь вынесъ торжество моей философіи. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что дѣйствующая въ данныхъ случаяхъ сила—отнюдь не электричество, какъ думаютъ иные, а именно воля, которая пронизываетъ адiеъ или магическія свойства, являя не только въ собственное существо, но и въ восторженіе глѣза. Стоитъ думать, не пишу ли единодушной воли всѣхъ, принадлежащихъ къ нему; это—блестательнѣйшее подтвержденіе того, что уже давно признаваемо мною въ массѣ трудъ: «Воля въ природѣ», а именно въ главѣ «О животномъ магнетизмѣ и магнѣ». Если же въ данныхъ случаяхъ толкуютъ объ электричествѣ, то производятъ это вслѣдствіе некоей примани въ живыхъ физическимъ свѣченіемъ на силу электричества все то, что представляется имъ таиннымъ и необъяснимымъ.»

Интересно также взгляды Шопенгауэра на самоубійство, высказанный имъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Линднеру: «Благовѣкъ, приближающій къ самоубійству, доказываетъ только то, что онъ не понимаетъ пути,—что онъ, какъ плохой игрокъ, не умеетъ спокойно проигрывать и предпочитаетъ, когда къ нему придетъ дурная карта, бросить игру и въ досадѣ встать изъ за стола».

Шопенгауэръ былъ въ денежныхъ дѣлахъ чрезвычайно расчетливъ, и, благодаря своей расчетливости и бережливости, служилъ почти удивительное достояніемъ ему отъ отца и значительно пострадавшее въ молодости его. Въ послѣдніе годы его жизни значительный доходъ доставляли ему сочиненія, для которыхъ онъ въ прежніе годы съ трудомъ находилъ даже даровыхъ издателей, и онъ шутя говаривалъ, что «большая часть людей зарабатываетъ собі деньги

изъ молодости и въ зрѣлые годы, а она—въ такомъ возрастѣ, въ которомъ другіе люди уже перестаютъ зарабатывать себѣ деньги». Жила она чрезвычайно просто и лишь пятидесяти лѣтъ отъ роду завела себѣ собственную свою мебель. Въ особомъ комфорта и эстетичности обстановки она вовсе не имѣла по чувствительности потребности. Своя лучшая и большая комната этой квартиры была занята ея личнѣйшей библіотекой. На мраморной подставкѣ въ этой комнатѣ, въ которой она и умерла, стояла настоящая, почитаемая статуэтка Будды; на его письменномъ столѣ—бюстъ Канта; надъ диваномъ висѣлъ портретъ Гоёе, писанный маленькими красками; на другихъ стѣнахъ—портреты Канта-де, Декарта, Шекспира, нѣсколько семейныхъ портретовъ и его собственные портреты, снятые въ различные возрасты.

До послѣднихъ года своей жизни Шопенгауэръ пользовался замѣчательнымъ здоровьемъ. Лишь за нѣсколько лѣтъ до его смерти съ нимъ за столѣтій сдѣлался оборотъ, но нѣмалый притомъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но въ апрѣлѣ 1860 года, возвратясь послѣ обѣда домой обычной тихой быстрой походкой, она вдругъ почувствовать сердцебиеніе и стѣсненіе въ груди. Застѣвъ эти-же явленія повторились съ нимъ еще нѣсколько разъ течение лѣта и вынуждали его часто останавливаться на улицахъ; а такъ какъ она не въ состояніи была освободиться отъ усвоенной имъ себѣ привычки ходить очень быстро, то она вынужденная сократить свои прогулки. Однажды, въ августѣ мѣсяцѣ, утромъ съ нимъ сдѣлался особенно сильный приступъ удущья, вслѣдствіе котораго онъ едва не задыхался. Шопенгауэръ чувствовалъ отращиваніе ю всякаго рода мучительныхъ и невыносимыхъ глупыхъ глѣзъ, которые воображали себѣ, будто можно купить въ аптекахъ за деньги утраченное здравье. Въ началѣ числахъ сентября припадокъ повторился, а пресланный въ ночь 9-го сентября утромъ боляшей покончить его

Гвиннеръ, также жившій во Франкфуртѣ, сразу-же убѣдился въ томъ, что у Шпеннгауэра воспаленіе легкихъ. Самъ Шпеннгауэръ тутъ-же объявлялъ, что наступилъ конецъ его, однако, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ послѣ минимальна кризиса, онъ настолько поправился, что въ состояніи былъ встать съ постели и принимать гостей. Но десять дней спустя съ нимъ снова сдѣлался припадокъ. Въ этотъ вечеръ къ нему пришелъ Гвиннеръ. Онъ сѣлъ на диванѣ и жалился на сердцебиеніе; впрочемъ голосъ его былъ тихъ и мнѣющъ. Гвиннеръ засталъ больного за чтеніемъ «Литературныхъ курьезовъ» Дюррама. Раскрывъ то кѣсто книги, въ которомъ Дюррама говорятъ о писателяхъ, разсуждающихъ о книгѣ, издателѣ, Шпеннгауэръ протѣмблялъ: «И мнѣ еще не довелось до этого книги моего профессора философіи». Затѣмъ онъ сказалъ, что его нисколько не беспокоитъ мысль о томъ, что его тѣло скоро будетъ точить черная дѣла; онъ не можетъ безъ умаго подумать о томъ, какъ будутъ точить его умъ господа профессора философіи. Онъ очень интересовался дѣлами объединившейся въ то время Італіи, называясь однако весьма кѣтло и поодиному справедливо опасаясь, что объединенная, индифференциальная Італія будетъ играть меньшую роль въ умственной жизни Европы, чѣмъ какую играла Італія политически раздѣленная. Во время разговора больной выразился, что для него было-бы весьма полезно уморить, именно теперь, такъ какъ онъ только что задыхалъ серьезно передѣлать и пополнить свой трудъ: «*Passiva und Fatalismus*». «Въ тому-же, говоритъ онъ, если прежде я желалъ вымолочить жизни для эстетической борьбы съ конемъ прагматизма, то теперь я хотѣю прожить-бы еще для того, чтобы хотя подлѣ старости измладѣть еще долго мстѣвнически идти себя, не жето дѣвостѣвнически теперь. То меня отовсюду призывали коня научить мстѣть». Шпеннгауэръ радовался тому, что его назначаетъ конникомъ и кѣнать-же только профессиональные ученья, но и такъ

называемые дистанты. Они, между прочимъ, протѣ-
Гвиньеру надѣржка изъ только что получившаго инъ-
инъ разныхъ хѣсть, отъ совершенно незнакомыхъ
людей, сочувственныхъ писемъ. «Возбир — говоритъ
Гвиньеръ — во время этого нашего послѣдняго разгово-
Шоенгауэръ былъ такъ-то сомнительственъ и нѣтъ-то,
какимъ я его никогда не видалъ. Уходя отъ боль-
ного инъ опаснаго черезчуръ утомилъ его, а далекъ былъ
отъ предчувствія, что видѣлъ его въ послѣдній
разъ, въ послѣдній разъ, подалъ его руку. Прощаясь
со мною, Шоенгауэръ сказалъ совершенно серьезно,
что для него было-бы истиннымъ благоустроеніемъ обра-
титься въ ничто, но что, къ сожалѣнію, пока на это
еще мало надежды. «Впрочемъ — прибавилъ онъ — будь
что будетъ, а интеллектуальная совѣсть моя чиста и
спокойна».

Два дни спустя, 20-го октября утромъ съ Шоен-
гауэромъ случился такіе сильные спазмы въ груди,
что онъ упалъ на полъ и расшибъ себя жѣбъ. Днятъ онъ
нѣсколько оправился и ночь провелъ относительно спокойно.
21-го октября Шоенгауэръ всталъ въ обыкновенное
время и ушелъ на диванъ пить кофе; но когда, нѣсколько
минутъ спустя, въ комнату вошелъ докторъ, онъ засталъ
его спрашивавшимся въ галлюцину дивана и безжизненнымъ:
паралетъ легкая пожелать конецъ его жизни. Лицо его
дышало спокойствіемъ и на немъ не видно было никакихъ
слѣдовъ предвѣстной агоніи. Онъ всегда размышлялъ
въ легкую смерть, утверждая, что тотъ, кто прожилъ
вою свою жизнь одинокомъ, служить лучше великаго
другаго отправиться въ вѣчное одиночество, въ ра-
достномъ сознаніи, что онъ возвращается туда, откуда
вышелъ сталъ богато-одареннымъ, и въ убѣжденности,
что онъ честенъ и добросовѣстно выполнялъ свое при-
званіе.

Согласно письменно выраженному инъ. желанію,
его не похоронили. Чело его было удивительно диро-
нымъ и вѣкомъ и 26-го октября смертное останки

его были преданы землѣ. Ученникъ и биографъ его, Гиллиеръ, проситъ на его могилѣ сѣдующую надгробную рѣчь:

«Гробъ этого замѣчательнаго челоука, прожившаго около 30 лѣтъ, среди насъ, но все же оставившагося для насъ какъ-бы чужеземцемъ, посвящаетъ на особые размышленія. Никто изъ насъ еще не смѣлъ съ нимъ узакн крѣпко: онъ жилъ одинокомъ и умеръ одинокомъ. Но я позволю себѣ сказать, что уединеніе принесло нѣкоторую компенсацію за свое одиночество. Это страстное желаніе земнаго міра, которое является у большинства лишь въ виду бѣдней смерти, было возмѣщено естественнъ жесъ его жизни. Будучи вынужденнъ поклонникъ претамъ, въ высшей степени серьезно относить къ жизни, онъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ безпримѣнно отгораживать отъ всякой лжи и притворства, во страшилъ раскв оттолкнуть отъ себя людей и оторвать своя къ нимъ отношенія. Этотъ мыслящій и глубоко чувствительный челоукъ прожилъ всю свою жизнь единсѣй, неизмѣннъ, оставаясь вѣренъ самому себѣ. Его свободный умъ не преклонился подъ тяготами жизни. Богато-одаренный судьбой, онъ все свое жизнъ стремился къ тому, чтобы быть достояннъ. Этихъ даровъ, я, имѣя въ виду свое нѣжное признаніе, всегда готовъ былъ отказываться отъ всего того, что радуетъ сердца другихъ людей. Много, много лѣтъ сиротинства его отказывались отдать ему должную справедливость; мара, украшающіе въ настоящее время его чело, достались ему лишь въ послѣдній часъ; но тѣмъ не менѣе вѣра въ свое признаніе не переставала корениться въ его душѣ. Вечномъ дожилъ горнѣ, возмезднаго одиночества онъ не отступилъ ни на единую пядь отъ предвѣщенной имъ себѣ дороги и послѣдилъ въ вероиспытательномъ служебн своей возлюбленной — истинѣ, постоянно пахнута слеза Ветхаго Завета: «Вѣрно возмощество истина, и она, въ концѣ концовъ, побѣдитъ». Тѣмъ изъ насъ, которые имѣли

счастіе стоитъ ближе къ «франкфуртскому мудрецу», никогда не забудуть его великаго, сибитана взгляда, его легкой, ублаженной рѣчи. Ручательствомъ тому, что этого человека не забудутъ, служить намъ то, что онъ итеченіе всей своей жизни упорно отказывался идти по пути обывающаго. Ученіе его будетъ стоять неизменно даже и тогда, когда давятъ давно исчезнувшіе вѣтры слѣды этой, только что налетѣвшей волны, могилы. Многіе видѣли въ немъ только мизантропа; но какого-бы низкаго мірніа онъ ни былъ о чужацкѣ, онъ сочувствовалъ людямъ, сострадалъ имъ. Ему не судилось бѣло судьбой «искупить свой долгъ, обманувши совѣсть: не поже имъ постороко зданіе, двери котораго онъ широко раскрылъ, порою вслѣдъ мизантропѣ чужацкостности».

Могилу Шоненгауэра украшаетъ простая надгробная плита, обитая пемпелъ. На этой плитѣ высѣчены только два слова: *Артуру Шоненгауэру* и большое пенгелъ: ни года его рожденія, ни года смерти, ни какой-либо иной надписи. Эти сдѣлано по специально выраженному имъ передъ смертію желанію, такъ какъ онъ выходилъ изъ того убѣжденія, что все-остальное, касающееся его личности и дѣятельности, предполагается знать потомству. Когда Гинкель какъ-то спросилъ его, гдѣ-бы онъ желалъ быть похороненнымъ, Шоненгауэръ отвѣтилъ: «Это совершенно; ему уже слышится отсылать жена». Забытъ здѣсь впрочемъ, что за самое послѣднее время «*Frankfurter Zeitung*» выступила со статей, въ которыхъ она ратуетъ за открытіе надгробнаго сооруженія памятника Шоненгауэру.

Нѣмецкія газеты сообщаютъ также, что, за минувшею 21-го сентября нынѣшняго года установленнаго нѣмецкими законами 30-лѣтняго срока для права наслѣдованія на литературную собственность, умершаго писателя, предполагается приступить къ новому полному изданію сочиненій Шоненгауэра.

Забытъ здѣсь еще, въ дополненіе къ критическимъ біографическимъ данностямъ о жизни Шоненгауэра, что

как показывать сиятая съ его головы послѣ смерти его мадамъ, черепъ его отяжелъ необыкновенными размѣрами, превосходя размѣры череповъ Канта, Шиллера, Байрона I и Талейрана. Быть можетъ эти необыкновенные размѣры черепа могутъ служить нѣкоторыми указаниемъ на то, что у автора «Мира, какъ была и представляется», умъ стоялъ на верокомъ пламя, а чувство—далеко на задворы.

ГЛАВА V.

Отличительные свойства философского мировоззрения Шпенгера. — Что означает Шпенгер под словом «мир»? — Воля и разум. — Три основные свойства мира: тождественность, единичность, свобода. — Воля, как представление. — «Мир из природы». — Смысл, как основа философии — Значение и роль метафизики. — Введение Шпенгера на философию.

Философия Шпенгера находится в резком противоречии со метафизическими воззрениями трех знаменитых его современников: Фichte, Шеллинга и Гегеля. Они различают два мира, две сферы: с одной стороны — мир, как явление, как представление, и над ним, отделившийся от него целый предмет — мир реальный, мир-вещь. Первый из них подвержен причинности, как и все, находящееся во времени и в пространстве; второй — свободный и неподвижный вне времени и пространства. Тщательное разделение оба эти мира, точно суределивать их предель, сделать их доступными зрению и слуху — вот, по мнению Шпенгера, первая из задач философа и вот что он поставил себе задачей на первой же странице капитального труда своего — «Мир, как воля и представление». «Мир — это все представление», — так он начинается свое сочинение, сосредоточенная на этих четырех словах и идеалистскую философию Нидеа, и сущность новейших систем Лейбница, Беркеля, Юма и Канта. Что может быть проще и банальнее этой

основной формулы? Глаз видит краски, ухо слышит звуки, рука ощущает твердость и тѣла. Но намъ неизвестны сами по себѣ ихъ формы, ихъ звуки, ихъ цвѣта; имѣемъ лишь лишь изображеніе ихъ органами: «все это лишь представляется» намъ. Таковы образы, міръ, какъ нѣчто представляемое, но есть нѣчто реальное: въ мірѣ явленій — все только кажущееся. Но міръ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ двухъ полунаріі: одна изъ нихъ — область видности и не имѣетъ въ себѣ ничего реального; другое, неизвестное и таинственное по существу своему, — это *воля*.

Во изображеніе воли въ действительности *недоразумѣній*, нужно имѣть, что Шопенгауеръ придаетъ слову «воля» не обыкновенное, а совершенно особенное значеніе. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о волѣ, какъ о чемъ-то разумномъ и сознательномъ, а о волѣ, какъ о чемъ-то истинно-нравственномъ, волею воли назъ мыслится самоотреченіе, слѣдуетъ — о волѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. «Волѣ воли в разумѣніи — говоритъ Шопенгауеръ — не только ничто намъ неизвестно, но даже ничто не можетъ быть мыслимо. Невозможно искать въ чемъ-либо другомъ реальности для приписанія ей въ тѣлесному міру. Тутъ воля, это хотѣніе нужно строго отличать отъ сопровождающаго его сознанія и отъ опредѣляющаго его мотива. Все это — не сущность воли, а лишь проявленіе ея. Такъ напр., если я говорю, что сынъ, заставляющій камень падать въ колодезь, во сущности своему, самъ по себѣ и въ нѣмъ никакого представленія, есть воля, то это не значитъ, чтобы камень двигался въ силу волеизъявленія ему сознательнаго мотива, такъ какъ въ этой послѣдней формѣ воли проявляется только у *человѣка*».

По мнѣнію Шопенгауера, воля (хотѣніе) обладаетъ слѣдующими тремя основными свойствами: тяжестью, неизмѣнностью, свободой.

Хотя волю можно прослѣдить повсюду, но легче всего она обнаруживается въ человѣкѣ и въ человѣче-

смыслъ, сознаниіе. Она составляетъ фундаментъ психологіи, ибо истинная, неразрушимая сущность человѣка — это воля. Шопенгауэръ доказываетъ преобладаніе воли надъ сознаниемъ. Последнее—нѣчто физическое; воля—нѣчто метафизическое; сознаніе — это производное, воля — это сущность; сознаніе—нѣчто случайное, воля—нѣчто неизбѣжное; сознаніе — свѣтъ, воля—тѣнота. Воля — это прототипъ всякаго познания; она является вездѣ и во всемъ. Воля—нѣчто первичное, разумъ—нѣчто вторичное; воля неистощима, разумъ подверженъ измѣненіямъ; воля можетъ заглушить, парализовать, смутить разумъ; она же въ состояніи поддѣлать и имитировать его. Разумъ—это голова, воля—сердце.

Различеніе воли и познания составляетъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важную точку шопенгауэровой философіи и самую новую сторону его ученія; но, вопреки другимъ мыслителямъ, онъ относитъ волю—разуму съ нѣтъ указаніемъ на ихъ смыслъ,—своему жѣту, а разуму—второе. Разумъ у человѣка,—въ нѣмѣстной мѣрѣ и у животнаго,—является лишь продуктомъ воли; даже на высшей точкѣ своего развитія онъ обнаруживается лишь волею воли. Такимъ образомъ, онъ есть не первичное, существовавшее состояніе человѣка, а лишь вторичное, случайное. Разумъ погибаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, но воля осталась: «Для жмк»,—говоритъ Шопенгауэръ,—нѣтъ нѣтъ, неразрушимая въ человѣкѣ является не душа, а, приближая къ химическому термину, сущность души есть воля».

Можно сказать, что Шопенгауэръ доказываетъ, что воля не подвергается въ мѣрѣ измѣненія измѣненіямъ. Она всегда остается одна и та-же, будучи совершенно тождественной какъ у человѣка, такъ и у вѣща; ибо если извѣстное что-либо желаетъ, то оно желаетъ этого столь-же рѣшительно, какъ и человѣкъ: вся разница заключается лишь въ объектѣ желанія, въ мотивѣ желанія и въ опредѣленіи этого желанія разумомъ. Порядокъ природы—неизмѣненъ, и неизмѣненъ эта неиз-

суть не есть разум. Разум—это нечто подвижное, приходящее, нечто, выходящее из мира безвещного разнообразия. Органы же мыли, сердца,—это нечто постоянное, не изменяющееся, согласно времени и месту. Следовательно, организм должен служить мыли, т. е. тождественное и неизменяемое а не разум, нечто подвижное и изменяющееся. Воля—это мирло жизни.

Напоказъ воли, хотѣше—свободны, свободны и фактически, и морально. Отъ нихъ зависитъ жизнь, утверждать или отрицать себя, и въ этомъ заключается основа самой возвышенной нравственности, той нравственности, которая рождаетъ героев и святыхъ. Но, конечно, эту свободную волю не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «принципа».

Шпенгера въ сущ. ставитъ себѣ въ образецъ задачу разложеніе человеческого а на волю и представленіе. «Душаже — говоритъ онъ — разложить волю на кислородъ и водородъ и тѣмъ создать новый періодъ въ области физики; и тѣмъ, я-же разложить душу или духъ на два, весьма различныя, составныя элемента,—жизнь и представленіе. Всѣ существованія до сего поръ метафизическія системы выводили или изъ матеріи, результатомъ чего явились материализмъ, или изъ духа, что приводило къ спиритуализму; но и то, и другое, въ дѣйствительности своихъ выводахъ, приводило къ нелѣпостямъ и оканчивалось несостоятельностью. Я-же отъсюду одною изъ составныхъ частей души или духа, воли—первое мѣсто, тому-же, что должно быть признано—второе мѣсто; а матерія является необходимымъ, самостоятельнымъ понятіемъ субьекта, неизмѣнимаго, такъ какъ матерія необходима быть представленію, но и представленіе невозможно безъ матеріи; матерія, какъ таковая, существуетъ лишь въ представленіи, способность-же представленія возможна иначе, какъ однимъ изъ свойствъ организма.

Начало философія и возможность ее лежать въ сущности человѣчѣ; но не потому, какъ училъ предшествен-

нии Шопенгауэра, что онъ думаетъ (Декартовскій: «Je pense, donc je suis»), а потому, что онъ изъ насъ-же время живетъ. Если бы человекъ только думалъ, то для него формы ощущали и прежде всего дѣль, мотивы и дѣйствій, причинъ и слѣдствій, являлись-бы только-же вѣрной руководной нитью, какъ напр. для животнаго — наблюдательности и простейшаго отсюда вытиснуть. Но онъ не только думаетъ, но и живетъ. Отсюда вытиснуть капитальный вопросъ: каковы образцы могутъ существовать въѣсть вѣ одновременно идеальная и реальная сторона психической дѣятельности человека, представляется и быть? Эту связь — вытиснуть (представленіе) съ внутреннимъ (волей) онъ старается достигнуть тѣмъ, что такое движенье, по вытисненному способу произволенія, онъ считаетъ простымъ произволеніемъ; то-есть, что искать въ основѣ этого явленія, какъ внутреннюю причину, хотя-бы и въ такъ называемой мертвой природѣ, онъ называетъ волей. Думая, думаясь духъ совершенно различными способами, познавая, что намъ такъ самихъ и всего насъ окружающаго, онъ пользуется, какъ ключомъ для объясненія сущности всякаго явленія природы. Тамъ, гдѣ далъ связь очевиднаго психическому причина является вѣдѣнное дѣйствіе, все же существуетъ вѣдѣнное таинственное, вѣдѣ-то X, вѣдѣющій самую суть, мотивъ явленія, которое все-же доступно намъ лишь въ видѣ представленія. Этому-то X по вѣдѣмъ мѣткимъ или явленіемъ вѣдѣются съ тѣмъ, что при дѣйствіяхъ нашего тѣла мы разуживаемъ подъ словомъ «воля».

Эти общіе тезисы, впервые изложенные Шопенгауэромъ въ его книгѣ «Миръ, какъ воля и представленіе», онъ послѣдствіемъ подробно, хотя не столь убѣдительно и вѣроятно парадоксально, развилъ въ своемъ сочиненіи «О воли въ природѣ», появившемся въ 1836-мъ году, и въ «Дополненіяхъ», появившихся въ 1844-мъ году. Здѣсь онъ выходитъ изъ того положенія, что человекъ не можетъ жить всего; всамѣйство — это воля. Философія должна честно признать, что эта самая основная

положася, и, не гонимая за недостижимым, искренно и просто истинить на путь опыта, для того чтобы создать такую метафизику, которая основывалась-бы на наблюдениях, интуициях, а не на чистых идеях, которая старалась-бы охватить совокупность опыта, а не ту или другую часть его. Даже при таком ограничении области философии, сфера ее оказалась достаточно обширной. Эта философия вообще, (философия, так сказать, метафизическая, значительно разнится от специальной философии каждой науки. Специальная наука ищет объекты установления связи между явлениями, согласно закону причинности, тогда как философия ищет всего области явлений. Она ограничивается констатированием причинной связи между различными явлениями; каждая из них не оставляет там, где кончается констатирование и объяснение этой связи, не входя в рассмотрение сути вещей, как что-то необъяснимого, непознаваемого. — Философия же начинается там, где останавливаются науки. Она не предполагает ничего извещного. Она хочет и обязана все объяснить — и великую силу закона, и ту причинность, от которой эта сила зависит. То, что другие науки предполагают, то, что они берут за основу для своих объяснений — это составляет самый материал философской проблемы. — Каждая наука ищет свою собственную философию, являющуюся лишь обобщением и согласованием главных результатов ее, рассмотренных в совокупности. Эти главные, общие результаты представляются особо ценными для философии в тесном смысле слова, являясь последним от необходимости самой доминировать над каждой отдельной наукой. Таким образом философия специальных наук является некоторым образом посредником между науками и философией вообще. Последняя находит в них подтверждение и проверку, так как общая истина может быть подтверждена лишь частными истинами. Но как-бы значительны ни были методы, представленные

рожденіемъ эмпирическаго труда, каковы-бы ни были результаты этихъ спеціальныхъ наукъ, необходимо, чтобы они сдѣлались достояніемъ философіи.

Такъ какъ критеріумомъ истины является опытъ, то философія должна начинать съ внутреннего опыта или познанія. Это сужденіе еще Декартъ и Бейконъ. По мнѣнію послѣдняго, философія вырастаетъ изъ опыта, не изъ производствъ того или другого опыта, какъ другія науки, а изъ опыта вообще, т. е. изъ сущности его содержанія, изъ его внутреннихъ или внѣшнихъ элементовъ, наконецъ, изъ формъ и матеріаловъ его. Изъ этого становится яснымъ, что прежде всего слѣдуетъ наблюдать *факты* опыта, формы и причину его. Это-то среда и есть шопенгауэровское *представленіе*, или то, что другіе называютъ *«сознательнымъ»*. Поэтому всякая философія должна начинать съ изученія сущности и формъ познанія, его элементовъ и тѣхъ предѣловъ, которыми оно ограничено. Это *предварительное* составляетъ первую ступень философіи (*philosophia prima*), распадающуюся на двѣ части: одна касается первичныхъ представленій, создаваемыхъ путемъ созерцанія; ее можно было-бы назвать *теоріей разума*; другая касается дѣла съ представленіями теоретическими, отношеніями и съ уравнивающимъ или замыкающимъ это есть *домъ* или *теорія разума*. Метафизика, по мнѣнію Шопенгауэра, должна объяснить все область опыта, но только съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, чѣмъ опытная наука, не выходя, однако, изъ предѣловъ опыта. Наконецъ, она должна объяснить то, чего другія науки не въ состояніи объяснить. Для достиженія этой цѣли, она комбинируетъ внутренний опытъ съ опытомъ внѣшнимъ, съ компенсацией явленія, ищетъ въ совокупности въ различныхъ его смыслахъ, въ его внутренней связи и въ сложности его. По мнѣнію Шопенгауэра, Канта была неправа, объявляя метафизику невозможною: онъ былъ неправъ въ томъ отношеніи, что, сдѣлавъ исходной точкой опыта, утверждалъ, будто мета-

физика не имѣть ничего общаго съ опытомъ, чѣмъ она открываетъ широкій доступъ скептицизму.

Но констатировавъ, въ опроверженіе Канта, возможность метафизика, Шпенглеръ, рѣзко расходясь въ этомъ отношеніи съ Гегелемъ, желаетъ строго ограничить ее предѣла. Онъ отказывается не претягивать на то, чтобы все объяснить съ ее помощью, каѣта для него метафизическими «новому» и «двину». Человѣкъ окружаетъ глубокой тьмой; разумѣніе его весьма несовершенство; разсудокъ лишь часто обманывается вълѣ и выдѣлѣ вълѣ въ заблужденіе; не строго придерживаясь опыта, беря исходной точкой живое созерцаніе, а не жгущую отвлеченности, мы можемъ надѣяться нѣсколько разобратся въ этой тьмѣ. Мы въ состояніи будемъ понять, конечно, не саму природу, но то, что есть въ природѣ; а это уже что-нибудь да значить. Поступая медленно и осторожно, мы переходимъ отъ явленія къ действительности, отъ того, что является, къ тому, что должно являться, съложивъ къ метафизикѣ, — къ метафизикѣ не туманной, отвлеченной и протязательной, а къ единственной реальной и истинной метафизикѣ, которая представляетъ собою совокупность опыта.

Шпенглеръ смотритъ на жизнь души не съ материалистической точки зрѣнія; онъ не видитъ въ ней лишь продуктъ дѣйствующихъ механически и химически атомовъ матеріи; съ другой стороны, онъ не смотритъ на нее съ точки зрѣнія чисто спиритуалистической. Онъ видитъ въ ней проявленіе силы природы, въ которомъ самое существенное каждой изъ силъ природы, воля, проявляется на былье высшей ступени, чѣмъ то замѣчается въ другіихъ проявленіяхъ силъ природы, исключительно механическихъ и химическихъ. Эти мысли силы природы находятъ, правда, въ евангеліи съ извѣстными, нуждаются въ послѣдствіяхъ, но въ то-же время высказываются надъ ними и употребляютъ ихъ на свои цѣли. По мѣнѣ Шпенглера, въ материалистичѣ слѣдуетъ считать

жестокимъ и непримиримымъ объясненіе всякаго рода дѣятельности, какъ высшей, такъ и низшей, при помощи собственныхъ преродѣ силъ, какъ одно изъ проявленій дѣятельности природы; кѣмъ-то-же и несостоятельно желаніе уничтожить всякое различіе между силами природы, сведеніе крайне-разнообразнаго міра явленій къ однородному однообразію матеріи, дѣйствующей лишь желанинскимъ образомъ. Жизнь, по словамъ Шопенгауэра, есть одна изъ функций организма, образованнаго жизненной силой, или, что одно и то-же, явленіемъ жизни; внутри организмической жизни роль души, какъ одной изъ функций мозга, наступаетъ въ свои права лишь тогда, когда организмъ, испытывая болѣе усложненныхъ потребностей, начинаетъ чувствовать потребность въ аппаратѣ, который регулируетъ-бы его отношенія къ мірному міру и направлятъ-бы его шаги въ него. Подобно тому, какъ всякому существующему даны извѣстные органы для обороны и для нападенія, такъ и всякій живъ организмъ, въ мірѣ существъ для сохранения себя и вида. Разумъ предоставляетъ въ услуженіе воли лишь въ исключительныхъ случаяхъ разумъ превосходить міръ, требуется назначеніемъ его, какъ слуги воли, заманивается отъ этой роли и возманивается до степени гонимъ, осуждающаго міръ чисто объективнымъ образомъ.

Это повсемѣрное объясненіе жизни и дѣятельности души далеко не можетъ считаться материалистическимъ, хотя его можно назвать и спиритуалистическимъ. Душа, — согласно образному опредѣленію Шопенгауэра, — есть субъективнъ, который замыкается собой признающагося въ организмѣ желаніе жить, для того чтобы найти свою дорогу въ мірннхъ мірѣ; это — руководителъ и субъективнъ воли. Такимъ образомъ Шопенгауэръ сознательно избѣгаетъ спиритуалистическаго дуализма между тѣломъ и душою, человѣкомъ и животнымъ. Матерію, какъ элементъ, онъ выводитъ изъ представленія; само-не представленіе онъ выводитъ изъ реальной стороны матеріи,

ить воли, из той же воли, из какою последние произ-
ведены на степени животного существования.

Въ этой, набросанной въ общихъ чертахъ, программѣ
нѣтъ мѣста, такъ называемой релігіозной философіи.
Действительно, Шопенгауэръ отказывается отнести по-
слѣдней мѣсто въ ряду метафизическихъ наукъ, пред-
ставляя это «физіотерію и геологію». Исходя изъ
того, что истинное существо челоука не можетъ быть
понято иначе, какъ въ совокупности міра, что и зако-
номы и законы объясняются одинъ другимъ, и даже
тождественны, онъ не признаетъ необходимости особой
науки о душѣ. Онъ суровѣе всего былъ бы замѣнить
такую науку широкой антропологіей, какъ опытной
наукой, опирающейся на анатомию и фзіологию, осно-
вынающейся на наблюдѣніи умственныхъ и нравствен-
ныхъ проявленій, на изученіи свойствъ рода чело-
веческаго и на изученіи индивидуальных особенностей.

ГЛАВА VI.

Характеръ и смыслъ шпенглерова пессимизма.—Отношеніе Шпенглера къ исторіи.—Его политическія и социальныя взгляды.—Его отношеніе къ культурнымъ исторікамъ.

Не только среди массы публики, но и среди профессиональных ученых, Шпенглеръ является преимущественно, какъ одинъ изъ главныхъ представителей пессимистическаго направленія въ философіи. Онъ считается какъ-бы родоначальникомъ этого направленія въ современной философіи. Число исследователей этого направления стало особенно сильно возрастать въ последнее время, и пессимистическая философія получила особенно широкое распространеніе въ Европѣ съ конца шестидесятыхъ годовъ, почти одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ «Философіи безконечнаго» Эд. Гартмана, написанной въ духѣ Шпенглера. Поэтому мы считаемъ необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на характерѣ и смыслѣ шпенглероваго пессимизма, составляющаго, если не самую яркую и выдающуюся, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе извѣстную массу публики сторону его ученія.

Многіе задавались вопросомъ о причинахъ, происхожденіи и характерѣ шпенглероваго пессимистическаго мировоззрѣнія, связаннаго у него еще въ очень молодые годы. При этомъ указывалось на то, что онъ родился воспитанъ и прожилъ среди весьма

удовлетворительныхъ изъясненій условий, что онъ былъ чуждымъ людямъ обозначеннымъ, который могъ безпрестанно слѣдовать своимъ влеченіямъ. Исходный пунктъ подобнаго недоумѣнія является странною предположеніемъ, что для того, чтобы быть оптимистомъ или pessimistomъ, нужно изобрѣсть въ счастливыхъ или несчастныхъ обстоятельствахъ, или же что pessimismъ является результатомъ вынесения изъ жизни разочарованій и огорченій. Но, во-первыхъ, откуда же сдѣла то, чтобы всѣмъ, кому плохо является или приходится жить въ печальномъ времени, необходимо становиться pessimistomъ и наоборотъ всѣмъ, кому жизнь улыбается или кто живетъ въ счастливое время, дѣлался оптимистомъ. Правда, у многихъ людей такъ и бываетъ, что отчаяніемъ и востановленіемъ ихъ превращаютъ изъ часто-субъективныхъ влеченій, что они свою внутреннюю окраску переводятъ на всѣмъшнее артефакты. Слѣды и всею чуждымъ на душѣ—для него счастье и несчастье весь міръ; мрачно и грустно на его душѣ—грустно и мрачно весь міръ. Такие люди съ охотой быть оптимистами, а иногда pessimistami, и наоборотъ. Но подобный оптимизмъ и pessimismъ не имѣютъ никакого философскаго значенія, такъ какъ это—оптимизмъ и pessimismъ чисто-субъективные. Но существуютъ и другого рода оптимизмъ и pessimismъ, такъ сказать философскаго характера, признаки которыхъ не имѣютъ ничего общаго ни съ субъективными условіями, ни съ условіями времени. Вотъ именно такого-то рода и была pessimismъ Шопенгауэра.

Шопенгауэръ считаетъ одну изъ величайшихъ ошибокъ почти всѣхъ метафизическихъ системъ то, что онѣ считаютъ за чуждое отрицательное; напротивъ, оно есть нечто положительное, ^инѣтъ дающее себя чувствовать. Это, по его мнѣнію, необходимо, какъ слѣдствіе утвержденія желанія жить. Но существуютъ не только утвержденіе желанія жить, но и отрицаніе, даже полное упрежденіе его: въ этомъ послѣднемъ слу-

чай является совершенно иной міръ, совершенно иное существованіе, с которым мы, правда, не имѣемъ понятія и которое кажется намъ ничѣмъ, но ничѣмъ не абсолютнымъ, а лишь относительно. Собственно с pessimismъ можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда это считается положительнымъ, а страданіи его нѣтъ—безкомпартно потерянными. Шопенгауэровскій же pessimismъ не такого рода: онъ считаетъ освобожденіе отъ мірового зла возможнымъ, хотя, правда, лишь путемъ радикальнаго жёсткаго, полного воздержанія и отказанія. Одинъ изъводитъ утѣшеніе противъ существованія въ мірѣ массы зла въ религію, другіе—въ искусство; Шопенгауэръ же ищетъ и находитъ его въ речѣ названнаго «Единственная хорошая сторона жизни»,—писалъ Шопенгауэръ еще въ 1814-мъ году,—«состоитъ въ томъ, что рядомъ съ волей существуетъ и познаваніе; это объективность, или конечное освобожденіе. Общественный pessimismъ, pessimismъ изъ эстетическихъ побужденій, pessimismъ, которому подобна жизнь, искать и находить-бы утѣшеніе съ самоубійствомъ. Къ этому утѣшенію дѣйствительно и прибѣгала съ-покою женщина безумная, сама pessimista, которая жизнь ставила въ тѣнѣ. Напротивъ Шопенгауэра, этотъ pessimismъ съ прелестью, самымъ разумнымъ образомъ оперчетъ самоубійство и притомъ на основаніи глубоко-практическихъ соображеній.

Доказательство pessimisma Шопенгауэра,—къ общепринятому, а не къ исключительно-философскому значенію этого слова,—лишь усматриваютъ еще въ его ученіи с отрицательности характера, чѣмъ онъ будто-бы оптимистъ у чужака надежду на улучшение. Отсюда выводится простое заключеніе, что его ученіе морально-бессмысленно; что онъ, объявляя характеръ несправедливымъ, тѣмъ самымъ лишаетъ жаждающаго исправленія грѣшника нравственнаго утѣшенія, подобнаго тому, какъ братъ, объявляющій болѣе несправедливой, лишаетъ жаждающаго испѣванія болѣе утѣшенія физическаго.

Но въ опроверженіе этого можно указать на ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли, причемъ конечно эта свобода заключается не въ отдѣльных дѣйствіяхъ и произволеніяхъ воли, а вообще въ сущѣ, во всемъ направленіи ея. Дѣйствія всегда соответствуютъ эмпирическому характеру, и потому необходимо нести и отпечатокъ его. Если поэтому эмпирической характеръ эгоистическій, доступенъ лишь эгоистическимъ мотивамъ, то и дѣйствія неизбежно окажутся эгоистическими. Но характеръ вообще можетъ быть и иного рода, такъ какъ человекъ не свиснулъ на жѣлѣ вѣчныя со своимъ эмпирическимъ характеромъ. Пока онъ можетъ, онъ необходимо долженъ поступать, такъ эгоистъ; но онъ можетъ и перестать быть эгоистомъ, и тогда его дѣйствіями будутъ руководить уже не эгоистическіе, а моральные мотивы. Непостоянство характера, о которомъ говоритъ Шопенгауэръ, касается лишь характера эмпирическаго, а не характера умственного, неизмѣнимаго (*intelligibler Charakter*); такъ какъ образомъ возможности эта имѣетъ значеніе лишь относительное, а не безусловное. Поэтому одна-ли есть серьезно считать его ученіе о возможности характера умственнымъ, безнадежнымъ. — Врядъ-ли можно было-бы также усмотрѣть безнадежность его въ томъ, что, согласно этому ученію, практическаго блага можно достигнуть лишь при томъ условіи, что весь человѣкъ сдѣлается другимъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы считать, безнадежнымъ, нуртунтоталлантъ и христіанство, такъ какъ вѣ оно ставитъ спасеніе человѣка въ зависимость отъ возрожденія или обновленія его. Считать его безнадежнымъ значило-бы считать безнадежнымъ и слова врача, обличающаго болѣзнь назначеніе лишь подъ тѣмъ условіемъ, что тотъ измѣнитъ весь образъ жизни, перестанетъ насиловать свою природу.

Подобно тому, какъ философу Фихте неоднократно становилось въ упрекъ неадекватное пониманіе какъ природы, Шопенгауэру становилось въ упрекъ то, что онъ

въ своей системѣ не относитъ подлежащаго жѣста исторіи къ области челоуѣческихъ дѣяній. Дѣйствительно, то превращеніе, съ которымъ онъ относитъ къ исторіи, принадлежитъ къ числу наиболее слабыхъ жѣстъ въ его системѣ, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что оно является нѣмнѣйшимъ достоинствомъ въ его основной идѣи.

Сущность взгляда Шопенгауэра на исторію, съ тою наѣдъ, въ какомъ она изложена въ его «*Mir*», какъ мнѣ и представление», заключается приблизительно въ слѣдующемъ:

Исторія не есть наука, такъ какъ ей не достаетъ основного характера науки, — именно, причинности, трактуемыхъ его анализомъ, — жѣсто которой она представляетъ одно только соотвѣщеніе: истекла и не можетъ существовать никакой системы исторіи, между тѣмъ какъ существуютъ системы всякой иной науки. Исторія — знаніе, а не наука: ибо послѣдняя не проходитъ къ познанію единичнаго при помощи общаго, но вынуждена непосредственно усматривать себѣ единичное и, такъ сказать, подниматься опущенно изъ области опыта; между тѣмъ какъ истинная наука, усматривъ себѣ болѣе широкія понятія, стоитъ выше единичныхъ фактовъ. Науки, представляя собой системы понятій, постоянно трактуютъ о родахъ, исторія — лишь о бѣ индивидуалахъ; науки трактуютъ о томъ, что существуетъ постоянно, исторія — только о томъ, что существовало и перестало существовать. Къ тому-же, такъ какъ исторія приходится имѣть дѣло только съ личнымъ и индивидуальнымъ, — что по самой природѣ своей безконечно разнообразно, — то она обо всемъ имѣетъ лишь непостоянное, несовершенное понятіе; и наконецъ, ей приходится съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ фактомъ, приобретать все новыя и новыя данныя и знанія, что лишаетъ ее всякаго характера законченности. Исторія, хотя постоянно въ виду лишь единичные, индивидуальные факты, считая только факты тѣмъ-то исключительно-реальными, представляетъ собой, по жѣсто

Шпенгера, прямую противоположность философии, смотрящей на все существующее съ самой общей точки зрѣнія, и излѣгать объектомъ своимъ лишь общюю то, что остается тождественнымъ въ частномъ. Между тѣмъ какъ исторія учитъ насъ тому, что въ каждое данное время существовало что-либо новое, философія старается убѣдить насъ въ томъ, что во все время было, есть и будетъ одно и то-же. Въ действительности, сущность человеческой жизни, подобно сущности природы, всегда и всегда все из-ново, и потому для того, чтобы над-демонстрировать образцы жизни, нужна только извѣстная глубина концепціи. Исторія же подѣлется на несомнѣнную заглавную глубину шаровой и дѣловой; для нея истинною является лишь жизнь-то объектомъ, который долженъ быть показанъ прѣшлымъ и длина котораго безконечна, теряясь въ безконечность будущаго. Разница между философіею и исторіею, по мнѣнію Шпенгера, заключается въ томъ, что первое желаютъ постигнуть, а послѣдніе желаютъ перечислить.

Шпенгеръ утверждаетъ, что исторія стоитъ несравненно выше не только науки и философіи, но и искусства. Содержаніе искусства — красн, содержаніе науки — конція, а истину и искусство, а наука, занимается тѣмъ, что существовать вѣчно, и притомъ одинаковымъ образомъ, а не тѣмъ, что теперь есть, а прежде не было и послѣ не будетъ, что теперь существуетъ такъ, прежде существовало иначе, а послѣ будетъ существовать опять иначе. Другими словами, и искусство, и философія, ищутъ дѣла съ тѣмъ, въ чемъ еще Платонъ видѣлъ объектъ истиннаго знанія. Содержаніе-же исторія, напротивъ, это — единично, это — мимолетныя сдѣлания и пережитая забвѣнаго рода людского, на которые могутъ вліять самыя ничтожныя обстоятельства. Съ этой точки зрѣнія объектъ исторія едва-ли можетъ считаться чѣмъ либо достойнымъ серьезнаго изученія умъ человеческаго. Вмѣстѣ соединившись съ Аристотелемъ въ томъ, что можно, такъ сказать, философичѣе исто-

рия, Шопенгауэръ относитъ первой гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ послѣдней. Первая сдѣлала и дѣлаетъ для познанія сущности человѣчества болѣе, чѣмъ вторая. Правда, и опытъ, и исторія изучаютъ нѣтъ познать челоѣка, или міръ, *modos*, т. е. они скорѣе даютъ намъ эмпирическія снѣданія о различныхъ отношеніяхъ людей между собою, но не позволяютъ намъ заглянуть въ глубь внутреннего сущности челоѣка. Исторія относится къ существамъ-же, какъ, напримѣръ, портретная живопись къ историческимъ: первая сражаетъ сходство единичное, послѣдняя — сходство болѣе общее, первая ищетъ въ виду велику истинѣ, послѣдняя — истину идею: нѣтъ предначертанно и по выбору ставитъ индивидуальныя личности въ надлежащія положенія; историкъ беретъ и тѣ, и другіе въ томъ видѣ, въ какомъ они попадаются ему подъ руку; ему приходится смотрѣть на событія не съ точки зрѣнія значенія ихъ, внутреннего, истиннаго, выражающаго идею значенія, а съ точки зрѣнія значенія ихъ внѣшняго, кажущагося, относительнаго, въ связи съ послѣдствіями и условіями ихъ; ибо его соображенія исходятъ изъ принципа причинъ и оцъ въ данности: значенія видѣть лишь внѣшнюю форму, послѣдней. Понятно-же, напримѣръ, схватывать идеи, суть челоѣчества, изъ всякаго отношенія ко времени и къ обстоятельствамъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Шопенгауэръ придаетъ даже болѣе важное значеніе, чѣмъ исторіи, простому биографіи, отчасти потому, что послѣдняя даетъ болѣе точныя и полныя положительныя данныя, чѣмъ первая, отчасти-же въ виду того, что въ исторіи играютъ видную роль не столько отдѣльные люди, сколько народы и войска, и что очень трудно въ крупныхъ разбѣрахъ историческихъ событій преслѣдовать дѣятельности единичныхъ личностей. Напротивъ, въ биографіи средняя жизнь отдѣльной личности изображается собою, въ болѣе суженой сферѣ, дѣятельности людей во всѣхъ ея отбѣвахъ и образахъ; въ то-же-же, въ смыслѣ внутренняго значенія случивша-

гося, — что одно и то же: важность — совершенно безразлично, мелко или крупны события, происходят-ли они из крестьянских жобак, или из королевских дворцов: все это, само по себе, не имеет значения, а получает такое лишь благодаря отношению своему к миру. Подобно тому, как круг диаметров не добить и круг диаметров из 40 миллионов миль обладают одинаковыми геометрическими свойствами, так и события и дела какогонибудь человека и обширного государства по сущности одинаковы, и человечество можно изучать и познавать, как на вершок, так и на пядьдесят.

Къ этимъ двумъ причинамъ преобразовательного отношения Шопенгауэра къ исторіи, — къ тому, что она, собственно, не наука, такъ какъ имѣетъ дѣло лишь съ единичнымъ, преходящимъ, случайнымъ, и что она гораздо менѣе даетъ для познанія сути человечества, чѣмъ искусство, поэзія и біографія, — у него присоединяется еще и третья, а именно та, что исторія недостатъ единства, целостности, логической связи. Она энергически полемизируетъ противъ попытокъ послѣ-гегелевской философіи представить исторію дѣйствительно, построеннымъ по опредѣленному плану, содѣять изъ нея «органическое цѣлое». Такъ какъ только индивидъ, а не родъ людей, обладаетъ дѣйствительною, непосредственнымъ единствомъ сознания, то и единство теченія жизни рода людскаго — чистѣйшая фикція. Къ тому-же, подобно тому, какъ въ природѣ, вообще, лишь видъ — реалитъ, а родъ — простая абстракція, такъ и въ родѣ людскомъ лишь индивидъ и его жизнь — реальны, народы-же и жизнь ихъ — чисто отвлеченное. Лишь то, что происходитъ внутри члена, какъ проявленіе его воли, дѣйствительно, такъ какъ только воля можетъ считаться чѣмъ-то реально-существоющимъ, чѣмъ-то «an sich».

Шопенгауэръ видитъ задачу истинно и философски понятой исторіи въ томъ, чтобы указать на постоянно повторяющееся единичное и тождественное ядро среди

разнообразность постоянно мѣняющихся оболочекъ. Ли-
шаны значенія не исторія сама по себѣ, а индивидуаль-
ное, неразумное пониманіе ея сущности и ея задачи,
оставляющаясь на разсмотрѣніе скорѣе не не ста-
рающагося ближе ознакомиться съ ядромъ. Нѣсколько не
умалая значенія исторія, Шопенгауэръ хвалитъ древ-
нихъ историковъ именно за то, что они изображаютъ
частности така, что выступаютъ наружу выходящими
изъ нихъ одѣлками сторона чуждостью. Са-
мое предпочтеніе, отдаваемое Шопенгауэромъ биогра-
фіямъ передъ исторіей, становится понятнымъ лишь по-
степенно, поскольку эти біографіи отличаются вымысли-
тельностью, или самымъ постыднымъ убожествомъ. И не
только біографіи, но и эпическія и драматическія при-
веденія, сравниваются съ нѣмъ болѣе чуждыми, чѣмъ проч-
іе они сплели изъ исторической почвы; исключительно
вымышленные характеры и дѣйствія отнюдь не способ-
ны возбудить насъ того-же интереса, какъ историче-
скіе, законные насъ съ дѣйствительными судьбами, съ
реальною борьбою чуждостью. Поэтому-то всѣ дѣй-
ствительно важныя вещи черпаютъ матеріалъ для сво-
ихъ приведеній изъ исторія. Трагедіи, по мнѣнію Шо-
пенгауэра, удовлетворяютъ въ насъ не чувствомъ прекрас-
наго, а чувствомъ возмущеннаго, возмущенные же харак-
теры и дѣйствія мы можемъ испытать преимущественно
въ исторіи. Исторія для рода людскаго—это то-же, что
разсудокъ для одѣланнаго индивиду. Благодаря раз-
судку, человѣкъ получаетъ возможность не ограничи-
ваться, подобно животному, ужасъ нагаданныхъ настоя-
щихъ, но становится способнымъ постигнуть и гораздо
болѣе широкое прошлое, съ котораго связано это на-
стоящее и изъ котораго оно вышло, а также, на осно-
ваніи настоящаго и прошлаго, дѣлать выводы и отно-
сительно будущаго. Народу, не знающему своей собствен-
ной исторіи, не необходимости приходится ограничиваться
знакомствомъ съ современными ея помѣщиками; отсюда
слѣдуетъ, что она вовсе не знакома съ самимъ собою

и со своимъ настоящимъ, такъ какъ онъ не въ состоян-
 ии свести послѣднее съ прошлымъ и объяснить на-
 стоящее при помощи прошедшаго; онъ живетъ въ состоя-
 нии онъ проходить будущее. Одна только исторія пре-
 дастъ народу полное самознание. Поэтому на исторію
 слѣдуетъ смотрѣть, какъ на разумное самознание рода
 людскаго; для послѣдняго она является тѣмъ-же, чѣмъ
 является для отдѣльнаго индивиду: обуславливающее ра-
 зумное, свѣдѣніе самознание, благодаря которому лю-
 дямъ животные жмкнутъ въ тѣсную область, есте-
 ственнаго настоящаго. Поэтому-же можно сказать, что
 исторія является проблемой въ общественномъ отноше-
 нии. Такимъ образомъ исторія есть разумное самозна-
 ние рода людскаго; она является непосредственно
 приносящая пользу роду самознаниемъ, такъ что лишь
 благодаря ей послѣдній дѣйствительно становится единымъ
 цѣлымъ, однимъ человечествомъ.

Изъ этихъ словъ Шопенгауэра видно, что въ послѣ-
 дующихъ своихъ произведеніяхъ онъ вѣроятно разо-
 шелся самъ съ собою относительно роли, отведенной
 имъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ исторіи, что
 онъ пересталъ относиться къ ней съ прежнимъ пре-
 обладаніемъ, видѣть въ ней лишь драматическій,
 таинственный и скупой занавѣсъ, что наконецъ онъ рѣшилъ
 относить исторію болѣе почетное мѣсто въ ряду наукъ,
 въ области челоѣческаго знанія.

Во всемъ со взглядами Шопенгауэра на исторію,
 на ее роль и значеніе, находится и взгляды его на
 современныя ему политическія и социальныя порядки.
 Изъ изученія исторіи онъ пришелъ къ тому убѣжденію,
 что въ очамъ рѣдкихъ случаевъ торжество остается на
 сторонѣ правого дѣла, что правое дѣло чаще всего само
 себя компрометируетъ и гибнетъ вслѣдствіе избытка
 принципіальности: такъ, напримеръ, избытокъ коварна-
 го принципа вызвалъ республику; избытокъ респуб-
 ликанскаго принципа повелъ къ террору 93-го года и къ
 цинизму директоріи. Онъ выходитъ изъ того начала, что

*См. также философію, эстетикъ, гениальность Шопенгауэра

государство мыслимо лишь подъ условіемъ двойного ограниченія воли единичной личности, а именно—ограниченія не только физическаго, но и нравственнаго. Отдѣльная личность, вѣдая сама на себя ограниченія, дѣлаетъ это ради разумно-понятыхъ собственныхъ интересовъ своихъ. Государство не только не направлено противъ эгоизма какъ такового, но напротивъ само простирается именно на эгоизма разумно-понятыхъ, методически-вступающаго, возманимающагося съ односторонней точки зрѣнія на болѣе общую и универсальную результатность суммарнаго цѣлой массы отдѣльных эгоизмовъ. Поэтому государство сходило отнюдь не для противодѣйствія эгоизму, будто-бы противнику началъ нравственности, а лишь для противодѣйствія вреднымъ послѣдствіямъ столкновенія множества личностей эгоистическихъ, что могло-бы предъ стоить на беззастѣнливомъ отдѣльномъ личностей. Однако этикетъ параличъ ограниченія личного эгоизма или эгоизма дѣла еще не кончатся: необходимо нужно идти съ виду интеллектуальной несовершенности и моральную слабость отдѣльных индивидовъ, образующихъ государство, что вызываетъ необходимость двойнаго ограниченія воли отдѣльнаго лица и тѣмъ самымъ должнѣе отнесеніе отъ чисто-эстетическаго направленія. Первое ограниченіе заключалось въ подчиненіи всѣхъ одному общему правилу—закону, и могло считаться нравственно-цѣлесообразнымъ; второе-же ограниченіе совершается на счетъ отчужденнаго права, такъ какъ воля государства, для того чтобы послѣднее могло существовать, должна опираться не только на силу, но даже отчасти и на коварство.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Шопенгауэра, правое государство есть нечто иное какъ фактъ, а политика, чѣмъ легче она совмѣстна своею задачею, тѣмъ скорѣе становится наукой, вѣрной въ виду прежде всего ближайшія потребности. Что касается самого принципа власти, то Шопенгауэръ съ одной стороны отбрасываетъ за какою-либо смертнымъ грѣхомъ властвовать надъ ин-

рядомъ претензіи воли неслѣдующаго, но съ другой стороны называется этотъ самый народъ «нѣжно-несовершенно-лѣтнимъ дорослякомъ», который постоянно долженъ выходить изъ опеки и которому нельзя предоставить прии самому управлять собою, не повторяя его величайшимъ опасностямъ, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, легко становится жертвой въ рукахъ лживыхъ плутовъ, называемыхъ демагогами. Правильно-же, которые я во въ состояніи пользоваться, я въ дѣятельности не обладаю. Поэтому Шопенгауэръ сводитъ всю государственную власть къ установленію одъ законовъ природы, производствъ, согласно со всѣми истинными философиями, начиная съ Аристотеля и кончая Шопенгауэромъ, государственную власть не этическую, а чисто-физическую. Республиканъ онъ считается чѣмъ-то «примитивно-естественнымъ, искусственно-сдѣланнымъ, порожденнымъ рефлексами»; поэтому онъ оправдываетъ монархическій принципъ, не отрицая однако и системы представительствъ; онъ остроумно замѣчаетъ, что право—значителъ аналогично алкохолу, синильной кислотѣ, фтору и т. д., которое никогда не встрѣчается въ чистотѣ и возмущаемомъ видѣ, а лишь въ комбинаціяхъ соединеніяхъ, придающихъ ему необходимую плотность; что поэтому право, для того чтобы имѣть возможность существовать и дѣйствовать въ нашихъ реальномъ и материальномъ мірѣ при своихъ идеальныхъ эфирныхъ свойствахъ, неизбежно нуждается въ прикрасъ произвола и произволу, безъ которой оно улетучивалъ-бы безъ остатка. Произвольное и искусственно сдѣланная линіея классификація растений не можетъ быть замѣнена никакой естественною классификаціей, какъ-бы рациональна ни была послѣдняя, такъ какъ таковая будетъ лишена той прочности и ясности опредѣленій, которая присущи классификаціи искусственной; точно такъ-же искусственная и произвольная основа государственнаго устройства не можетъ быть замѣнена основой чисто-естественной. Справедливости, подобнаго взгляда до-

казывается, по мнению Шопенгауэра, неудачными опытами кино-американскихъ республикъ создать свое государственное устройство на принципѣ естественнаго права: такъ идти рука объ руку самый низменный утилитаризмъ, грубость, всякаго рода несправедливое произволство, пошлутательное рабство, отречение отъ всякихъ долговъ, грабежи и все болѣе и болѣе усиливавшаяся олигархія—съ одной стороны, и самыя громкія политическія фразы, самыя усовершенствованныя формы яко-бы политической свободы—съ другой стороны.

«Всюду и во всякія времена»,—говоритъ Шопенгауэръ—«существовало сильное недовольство правительствомъ, жизнью и общественными учрежденіями, но происходило это болѣею частью не изъ-за того, что люди всегда готовы свалить на правительство, жизнь и учрежденія отвѣтственность за зло, неразумно присущее человеческому существованію, послужить которому безчисленныхъ доказательствъ. Миръ слѣзъ по себѣ, по своему устройству, прекраснѣй, богатѣе для всеобщаго счастья и благополучія; все-же, что встрѣчается дурного въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ, они приписываютъ правительственнымъ яко-бы властямъ дѣлать то, что имъ слѣдуетъ дѣлать, то на землѣ было-бы парадомъ небесное, т. е. всѣ люди могли-бы безъ всякаго труда и усилій быть, жить, наслаждаться и умерать, сколько душей угодно».

Хотя политическія убѣжденія Шопенгауэра коренились въ признаніи необходимости рѣшительнаго преобладанія въ государствѣ принципа авторитета; хотя онъ постоянно требовалъ «уваженія къ монархіи», такъ какъ уже простое существованіе ея является необходимымъ, а. т. е. онъ, по его убѣжденію, являлись за-претомъ противъ демократіи и анархіи,—однако, отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ являлся поборникомъ деспотизма. По поводу случившихся въ послѣдніе годы его жизни событій въ Италіи онъ выражался, что легитимность не даетъ еще права на усилѣн-

Для того, чтобы обезнечить себя успеха, правительство должно стоять на интеллектуальном отношении к народу управлению или к массе, на морально-же отношении оно не должно быть слишком благородно, как импрериалы. Тут, но с другой стороны оно не должно также стоять и на низком общераспространенного гражданского сознания.

Шопенгауэр был совершенно чужд рационального самонаблюдения; он даже был уверен, что весь его патриотизм сводится к желанию избавиться от немцев. Он даже не любил, чтобы его считали немцем, и не упускал случая указывать на свое голландское происхождение. Для этого энергического человека были до того противны хвастовство и подражательность, немецкой полагая, что они безосновательно порицать у немцев то самое, что оставили немцами чуждыми или даже изгнанными у других народов. Для широты югада философа это абсолютное суждение уни-германского патриотизма пришлось даже кстати. Он никогда не касался частных политических, а тем более исторических вопросов; он стоял выше них и относился с величавым, величавым к крупным политическим событиям. Только когда они слишком близко подходили к нему и угрожали нарушить его уединенный и душевный покой, он начинал волноваться. Во время сентябрьских дней 1848-го года его отношение перед наступлением революция демократия достигло высшей степени и он серьезно подумывал о том, чтобы бежать из Франкфурта. Но на более спокойная времена он находил, что журналисты уходят гораздо дальше его на своем рассуждении, хотя это делается большей частью не из убеждения, но ради личной выгоды. Он любил повторять, что в политическом отношении люди не более всего извещены, что для них возможно и что невозможно, и послужить-ли данное событие к пользе или ко вреду их.

ГЛАВА VII

Взгляды на женщину и на любовь. — Манера говорить Шенкелера. — Парадоксальность его.

Шенкелера не ублажила своего желания не только индифферентом, — напротив только усложняет, как то было обыкновенно нами выше, — но и многообразие (жизнистостию женщины) и многообразие (жизнистостию брака). Она утверждает, что сама природа обделила женщину из отвлеченнаго духовности, разсудочности. Она отличается умственною быстротою, склонна принимать идеальность вещей за сущность вещей и отдавать своим предвзвѣшеніе передъ серьезными делами. Умственная жизнь женщины, по преимуществу непосредственная, способна различать находящиеся около предметы, но не в состоянии выйти изъ ограниченного круга; все промежуточное, отдаленное, отсутствующее производить на женщину лишь слабое впечатлѣніе. Выводомъ этой-же природной ея ограниченности женщина наклонна къ расточительности. Съ другой стороны, ясно, потому, что женщина больше мужчины отдается настоящему и больше его способна наслаждаться сколько-нибудь своею жизнью, ей присуща большая нежность и ясность духа. Кроме того, воспринимая вещи иначе, чѣмъ мужчина, и идущая всегда кратчайшій путь къ цели, женщина отличается большою трезвостью

взгляды, чѣмъ мужчина и видитъ въ женщинахъ лишь то, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Такимъ образомъ, именно вследствие слабости женскаго разума, все видное, непосредственное, реальное имѣетъ надъ женщиною гораздо большую власть, чѣмъ отвлеченная идея; поэтому женщина легче поддается чувству состраданія, участливости, но зато уступаетъ мужчинамъ въ отношеніи правосудія, справедливости, добросовѣстности. Какъ существо болѣе слабое, женщина гнѣдитъ орудіе самозащиты въ злостности. «Она», говоритъ Шопенгауэръ, — «неистовство дульна, но имѣетъ съ тѣмъ, по неразумію и малой сообразительности, ведорна, изпрена, тирелана, рѣка съ бласкъ, вынность и жипуру; въ отношеніяхъ другъ къ другу она принимаетъ бѣлашуе принужденность, срытаетъ и враждобности, тѣмъ мужчинамъ съ отасненіемъ между собой. Женщины чуждо истинное признание въ мумамъ, проанъ и юмбю въ искусству; даже слабѣе блестящія предстанительницы женскаго пола никогда не создавали чего-либо дѣйствительно великаго и самостоятельнаго въ художественной области: еще менѣе способны онѣ угадывать міръ, уяснять твореніемъ съ несреходящими достоянствами». Объясняется это тѣмъ, что женщина всегда и во всемъ обречена только на посредственное господство черезъ того мужчину, которымъ единъ она управляетъ непосредственно. Женщины во всѣхъ отношеніяхъ — второй, или, мужчиной стоящій слабый полъ... По самой природѣ своей женщины несомнѣнно обречены на повиновеніе; видно это уже изъ того, что любя иль жаль, — разъ она попадаетъ въ величайшее положеніе, — добровольно отдается подъ руку любовника или духовника, лишь-бы только какой-нибудь мужчина властвовалъ надъ нею.

При подобномъ взглядѣ на женщину становится понятнымъ и скептицизмъ Шопенгауэра относительно любовнаго чувства, — скептицизмъ, исходящій неогда чуть не до цинизма. По его мнѣнію, любовь, какъ бы она ни

дальше платонична, вездѣ и всегда была, есть и будетъ нечто иное, какъ бытъе опредѣленное и строго-индивидуальное половое стремленіе, конечная безсмыслительная цѣль, котораго — рожденіе будущаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ любовь, какъ полное влеченіе, есть «чуждъ изъ жизни сама къ себѣ»; человѣкъ, чувствуя любовь и влеченіе къ женщинѣ, въ сущности только испытываетъ инстинктъ, направленный къ началу и концу рода. Истинное цѣлью любого житейскаго роаня является продолженіе на свѣтъ иной особи. Конечно, любовь имѣетъ многообразныя градаци: она бываетъ тѣмъ страстнѣе, чѣмъ болѣе любимая особа смысломъ является удовлетворенію нуждъ и потребностей любимата, но что любовь къ сущности есть нечто иное, какъ испытаніе, направленный къ сохраненію родоваго типа и къ возможно-сильному разнородію его, это видно изъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководствуется индивидъ при самомъ выборѣ объекта страсти. Эти мотивы, по мнѣнію Шпеншгуера, троюродныя свойства: первая, способствующая сохраненію родоваго типа въ физическомъ отношеніи; вторая, являющая въ виду поддержаніе духовныхъ родовыхъ свойствъ, и наконецъ въ третьихъ—мотивы, имѣющіе цѣль восполненіе недостатковъ общаго прототипа.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основѣ любви лежатъ, по мнѣнію Шпеншгуера, инстинкты, направленные исключительно на благо рода, еще объясняется и то, что само чувство, связывающее влюбленныхъ, оказывается скоро-преходящимъ: съ тѣмъ моментомъ, какъ любовь доказана, мужчина начинаетъ охлаждать къ предмету своихъ влеченій. «Итакъ, говоритъ Шпеншгуеръ, абсолютъ цѣлью рода—есть объектъ любви. Въ сравненіи съ этою задачею ничтожны личные стремленія; геній рода оцѣно выступаетъ всѣми индивидуальными интересами, неуменительно преслѣдуя главную и единственную свою цѣль—поддержаніе рода, и среди системъ войны и изуродованія гражданской жизни, и во время

чумы, и въ тиши монастырей». Это приводит Шпенгера къ разсмотрѣнiю вопроса о монашѣхъ и полита-
ми, причѣмъ онъ сажаетъ рѣшительныя образы:—
онѣ-таки въ интересахъ рода—склоняются въ пользу
политики или, лучше сказать, монархиста (царство-
брачiе).

Высказывая свои, отчасти парадоксальныя, отчасти
даже расходившiеся съ общепринятыми понятiями о
правдивности, взгляды на бракъ, дѣвство, много-
брачiе, Шпенгера выказываютъ явную рѣшитель-
ную предвзятость безбрачiю. Какъ-бы для контраста по-
срамленiя тѣхъ, которые зурнали его ученiю въ без-
нравственности, онъ выставляетъ добровольное дѣйствіе
единственнымъ средствомъ освобожденiя изъ жра грѣ-
хности и бѣдствiй. Останавливаясь на вопросѣ о
томъ, гдѣ скорѣе—въ брачной жизни или въ безбрачiи—
достижима та безмятежная существенность, которое не-
обходимо для людей умственного труда, для ученыхъ,
Шпенгера охотно ссылается на Картезиуса, Мальбранша,
Спинозу, Лейбница и Канта, все жизнь отбывавшихъ
домашними. Онъ любитъ также поворочать шпатель съ
Петрашкой: «Тотъ, кто ищетъ споконвѣтiя, долженъ по-
бѣдить женщинъ,—это вѣчное источенiе спорить и
трепещенiй». Онъ полагаетъ, что желаніемъ, по досту-
пности своей натурѣ, мало достигнуть радости и
наслажденiемъ доминантѣ очути и что онъ рискуетъ,
изъ-за несущественныхъ и безразличныхъ съ его точки
зрѣнiя жемчужъ поступиться своею независимостью, зам-
кнутостью и мирными, умственными самонаслажденiями.

Шпенгера по характеру своему не принадлежалъ
къ числу расудочности людей, къ числу тѣхъ спокон-
ныхъ, ровныхъ характеровъ, которые живутъ преимуще-
ственно понятiями. Его скорѣе слѣдуетъ отнести къ
категорiи людей живыхъ, нервныхъ, исходящихъ
подъ влiяніемъ настоящаго, живущихъ преимущественно
личными взглядами своими, все равно, относятся-ли
последніе къ области дѣятельности или фантази.

При этомъ невольно напрашивается вопросъ: годится-ли такой характеръ для философа? Не слѣдуетъ-ли именно философу быть связанъ хладнокровнымъ существомъ въ мірѣ? Видъ говорить-же о людяхъ, сохраняющихъ хладнокровіе тамъ, гдѣ другіе горячатся: это—философы. На это Лютднеръ объясняетъ, что если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія того общепринятаго понятія, которое соединяется со словомъ «философія», то для послѣдней способнѣ лишь холодный, разсудочный человѣкъ, котораго ничто не можетъ сильно потрясти, возмутить, возбудить. Но именно этотъ-то всегда Шпенсгауэръ и считалъ нецѣльнымъ, несовершеннымъ. По его мнѣнію, философія исходитъ изъ того-же источника, какъ и искусство; она есть въ сущности искусство, мысленное въ словахъ, т. е. въ понятіяхъ, другими словами дѣятельность разума имѣетъ то-же значеніе, какъ и техника въ искусствѣ: для мыслителя отвлеченныя понятія то-же, что для живописца краски и краски. «Философія», — говоритъ онъ, — «сдѣлаю не то, что алгебраическая задача, и Воонгартъ безусловно правъ, утверждая, что великія мысли исходятъ изъ сердца». — Если признать подобную точку зрѣнія справедливою, то само собою падаетъ заблужденіе, что Шпенсгауэръ не могъ быть замѣтнымъ мыслителемъ только потому, что ему не достало хладнокровія. Разъ философія—искусство, необходимость хладнокровія является лишь тогда, когда приходится издѣлное, глубоко-прочувствованное изобразить вслѣдующимъ образомъ; но для того, чтобы видѣть и чувствовать, не нужно быть хладнокровнымъ. Это единственно пригодно такъ къ восту, такъ и къ мыслителю. Подобно тому, какъ восту необходимо пережить тѣ стремленія и состоянія, которыя онъ изображаетъ или, по крайней мѣрѣ, глубоко сочувствовать тѣмъ, которые ихъ переживаютъ,—такъ и мыслитель долженъ въ общемъ испытать на своемъ собѣ существованіе той жизни, картину которой онъ намъ представляеть; онъ долженъ, такъ сказать, расширить свою душу до

развѣрнуть широкой души? Какъ у поэта, такъ и у мыслителя, необходимость заоднокронія является лишь тогда, когда требуется пережитое и переформулированное внутри предстать обществу, какъ нечто некое общее значеніе. А такимъ заоднокроніемъ, необходимымъ для изображенія пережитого и переформулированного, Шпенглеръ обладалъ въ высшей мѣрѣ: онъ обладалъ ею въ области философіи въ такой-же степени, въ какой Гете и Шекспиръ обладали ею въ области поэзіи. Этимъ и объясняется объективность изображенія имъ міра, какъ воли, живущейя принципа этого изображенія. Въ томъ-же смыслѣ, какъ о Гете говорили, что онъ былъ поэтъ во всякомъ случаѣ, можно сказать и о Шпенглерѣ, что онъ былъ мыслитель во всякомъ случаѣ: его философскія воззрѣнія написаны болѣею частью по поводу чего-либо пережитого и испытаннаго и этика уже систематизированы; это доказываетъ, почему принципъ и самая форма его мышленія, составляя преимущественно инт. афоризмы. Поэтому относительно Шпенглера, сверхъ чѣмъ относительно какаго-либо другого мыслителя, не основывая его произведеній можно составить собѣ мнѣніе о его личности.

Эта манера творить Шпенглера объясняетъ такъ-же и то, что упомянутый трудъ былъ для него не такъ легокъ дѣлать, какъ-бы о томъ можно было заключить, судя по его слову. При видѣ того, какъ легко и живо онъ выражаетъ самую глубокую мысль, можно было-бы заключить, что ему приходится только записывать то, что диктовала ему его гений. Но хотя мышленіе было для Шпенглера какъ-же легко, какъ въ примѣрѣ поведенія, хотя закъ его мыслей былъ такъ-же быстръ и злытитель, какъ и его физическая походка, но изъ этого было-бы ошибочно заключить, что мысли рождались готовыми въ его головѣ и что ему не приходилось думать, и притомъ много, усильно думать. По этому поводу онъ самъ выражаетъ слѣдующій образъ: «Глазъ претупляется вслѣдствіе долгого смотрѣнія

на одинъ и тотъ-же предметъ, и кончается тѣмъ, что она перестаетъ различать предметы; такъ и умъ, постигаясь предметнаго размышленія объ одномъ и томъ-же предметѣ, притупляется и перестаетъ различать отличительныя свойства этого предмета; тогда нужно бросить это дѣло, съ тѣмъ чтобы возвратиться къ тому извѣдѣнію со своимъ смысломъ. Но, могу также бытиасть споста рода причины и отливны. Въ одномъ или другомъ исполнѣ, исполненнѣ въ 1818 году, когда ему было всего 25 лѣтъ отъ роду, она выражается слѣдующимъ образомъ: «Когда какая-нибудь мысль возникаетъ въ моемъ умѣ, въ немъной формѣ и является передо мною въ туманномъ очертаніи, то я не могу опредѣлять непреодолимое желаніе схватить ее; я бросаю все и преслѣдую эту мысль, какъ охотникъ дичь, но желая иными-ли стараясь достигнуть ей доверу, она не схватитъ ее, не одарѣе и не полову на бумагѣ. Но иногда случается, что мысль все-же уловляется отъ меня; тогда мнѣ приходится терпѣливо ждать, пока каковъ-нибудь другой случай снова не подыметъ ее съ мѣста. Если при подобномъ желаніи за мыслью мнѣ приходитъ какой-нибудь наивный пунктъ, то я испытываю чисто-физическое страданіе». Этими въ значительной мѣрѣ объясняется чувствительность Шопенгауэра ко всякому шуму и желанію его подвѣрять вокругъ себя во возможности идеальную тишину. Какъ въ своемъ «Мирѣ, какъ воли и представленіи», такъ и въ своемъ «Патерѣ», онъ поставилъ особаа главы вопросу «О шумѣ».

Поэмаа того труда, котораго стоила Шопенгауэру мыслительная работа, а въ особенности при извѣстномъ шумѣ, работа эта шла въ мозгу его съ какою-то, такъ сказать, естественною необходимостью. Онъ самъ говорилъ, что всегда работалъ и писалъ, точно непремѣнно какому-то безсознательному инстинкту. «Ручатель-ствую за прѣростъ, а потому и за прочность моей философіи», — писалъ онъ въ 1824 году, — «для меня служить то, что я вовсе не создаю ея, а что она сама себя создала

Мои философскія положенія возникли не изъ безъ всякаго моего содѣйствія, въ такіе моменты, когда какое-нибудь изъ нихъ точно засыпало въ разумъ, безъ всякаго преднамѣреннаго направленія его въ ту или другую сторону, схватывалъ впечатлѣніе действительнаго міра и вставалъ изъ него идти навстрѣчу съ мысленнымъ, ослѣпѣвшимъ безъ всякаго содѣйствія моему волю. Но неслѣдь съ волей несовѣсть и всякая индивидуальность. Поэтому личность моя была адѣкъ не при чемъ: адѣкъ слагалось въ моментъ созерцанія, часто-обстоятельное созерцаніе или, другимъ словомъ, сама объясненный міръ, избранный ареной моего таланта, такъ какъ онъ находилъ се подходящее для этой цѣли. А то, что не исходить отъ индивида, не можетъ составлять достоинство одного индивида: отъ принадлежать лишь разуму и торжественно (по своему характеру, а не по степени) у всѣхъ индивидуумовъ, поэтому со временемъ на этомъ должны сойтись всѣ индивидуумы. Я просто, въ качествѣ зрителя и оценившаго, замечалъ то, что въ подобные моменты представлялось мнѣ пониманіемъ, чуднымъ величавымъ участіемъ воля, и затѣмъ высказывался законнымъ для моихъ твореній. Это-то и служило гарантіей изъ истины, и это сознаніе не дасть мнѣ возможности обманъ съ пути, такъ-бы мои творенія не оставались непроизнесенными» (1824 г.).

Самъ Шлегелъ, при такомъ взглядѣ на умственную работу, безъ всякой ложной скромности, былъ очень скромнаго мнѣнія о своемъ умѣ. «Міражомъ моего ума, — писалъ онъ — могутъ служить тѣ случаи, въ которыхъ я, при объясненіи совершенно спеціальнымъ языкомъ, конкурировалъ съ выдающимися людьми: съ Ньютонъ и Гете—въ теоріи красоты, съ Винкельманномъ, Лессингомъ, Гете—въ толкованіи статуи Лаокоона, съ Кантомъ и Жакъ-Пономъ—въ объясненіи слѣпшлаго».—Съ другой стороны, будучи скромнаго мнѣнія о своемъ умѣ, Шлегелъ признавалъ въ то-же время, что умъ и вообще интеллектъ, какъ нечто фан-

ожкое, какъ совершенная дѣятельность органическаго тѣла, можетъ прѣйти лишь сравнительно непродолжительное время, что, достигнувъ кульминаціоннаго пункта, уже идетъ на-уменьш., — и это сознание Шопенгауэра переносится и на свой умъ. Когда ему минуло 36 лѣтъ, онъ считалъ свой умъ уже идущимъ на убыль. «Я то время — писалъ онъ въ 1826-мъ году, — когда уже мой стоялъ на своей кульминаціонной точкѣ, когда при благоприятныхъ обстоятельствахъ моя мѣ въ состояніи была достигнуть высшей степени напряженія, — тогда, на какой-бы предметъ ни упалъ мой взоръ, я мѣлъ дѣло съ старостиной и въ головѣ моей возникали цѣлый рядъ мыслей, мѣлуживавшихъ того, чтобы быть записанными, и потому забывавшихся. Теперь-же, когда мой ступилъ 38 лѣтъ, когда я старѣюсь, когда идетъ на убыль небесное свѣщеніе, можетъ случиться такъ, что я буду стоять передъ рафайловой Малочиней, и она ничего не будетъ помнить ниго». Вообще, Шопенгауэръ предавалъ расцвѣту мужского ума такую-же продолжительность, какъ и расцвѣту женской красоты, т. е. приблизительно около 15 лѣтъ, отъ 20-лѣтняго до 35-лѣтняго возраста. «Двадцатые и первая половина тридцатыхъ годовъ», — писалъ онъ, — для разума французскаго то-же, что для мѣсца для дорослости, которая только въ это время прѣтутъ и даютъ жизнь планетѣ. Дѣйствительно, если сравнить старостины произведенія Шопенгауэра, — онъ самъ озаглавилъ ихъ «Senilia» — съ болѣе ранними его произведеніями, то нельзя не прійти къ тому заключенію, что онъ въ извѣстной мѣрѣ былъ правъ, что и на его умѣ оказалась общій законъ природы. Вообще извѣстнѣе оригинальнѣе, основнѣе взглядовъ Шопенгауэра слѣдуетъ искать въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ, между тѣмъ какъ позднѣйшія представляютъ собою лишь дальнейшее развитіе и подтвержденіе этихъ взглядовъ.

Одно только присутствие красной нити: череп, бел-

его произведёния, и раннія, и болѣе позднія,—это парадоксальность его мировоззрёнія. Эту парадоксальность онъ самъ сознавалъ; но онъ не только не считалъ ее недостаткомъ я, напротивъ, усматривалъ въ ней благопріятный признакъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ 1815-мъ году: «Если кто съ предубѣжденіемъ относится къ парадоксальности какого-либо труда, то это проекаходить очевидно вслѣдствіе убѣжденія, что въ обществѣ находится уже достаточное количество истины, что человечество вообще достигло уже очень многого и что ему ранѣе только остается исправить и довести частности. Но тотъ, кто, подобно Платону и Гете, убѣжденъ въ томъ, что міръ представляетъ совершенствъ, всегда увидитъ въ парадоксальности какого-либо произведёнія смѣлѣе благопріятствъ, хотя впрочемъ и не рѣшительнъ. Міръ, конечно, былъ-бы прекраснѣе, если-бы истина въ немъ могла быть въ парадоксальнѣе, если-бы добродѣтели въ немъ не приходилось страдать, если-бы въ прекращеніе заслуженнаго изобиліе одобренія. Но гдѣ его изобиліе—такой міръ? Въ томъ-же 1815-мъ году онъ писалъ: «Того, кто занималъ великое, бесспорное произведёніе, пріемъ, оказанный этому произведёнію публикой, и сужденія о немъ критикъ такъ-же какъ способы его ругать или похвалить, какъ напримѣръ брань и оскорбленія слѣдующихъ способовъ оскорбить психически-здороваго человѣка, рассказывающаго по болѣямъ для умалишенныхъ, предполагая конечно, что человѣкъ этотъ имѣетъ надобное поприще о томъ, гдѣ именно онъ находится. — Нужно впрочемъ замѣтить, что Шлегелю, очень чувствительному относи къ вышадкамъ своихъ ученыхъ противниковъ, самъ нѣсколько расходился съ теоретическими высказываніями какъ въ вышесказанныхъ слѣдуетъ изъада-
данъ»

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИННОЙ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

МАКСА НОРЛАУ.

Пересел. ex 4 растениям изгорта Банска Баня. Чаб. 1891 г.
Проект (пересел.) изгорта. Мѣсто 1 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Отвечая на вопросы? Безразличности мирового народа. Человеческие долги к мировому обществу. Странствие—милые минуты-минуты. Роль человечества в жизни. Отвечая на вопросы людей смерти. Две идеологии смерти и жизни.

Гоним в толпе. Желание мимолетности, простоты толпы. Понимание и ощущение мимолетной энергии. Организация момента. Чувство обаяния, простоты и ясности. Сегодняшний день — завтрашний фестиваль. Возвращение, путь отныне общедоступного слова.

[illegible][illegible]

Вероятно, Пространство и измерения. Мысленные измерения. Экспериментальные методы мысли. Индивидуальный характер. Связь с установкой философии и с философией вообще.

Благодарное сознание. Благодарность — это природное чувство. Любимые люди. Общий труд. Сестры.

Содержание: философия. Жизнь и литература. История поэтики. Жанровые особенности. Психологический характер литературы. Школы поэтики. Эстетика. Ссылки на источники.

Естественная история любви. Полная погруженность, уязвимость, любовь толкает на доброту, на альтруизм, на самопожертвование. Как любить женщину и как любить мужчину. Женщины предпочитают влюбленность.

Где жина? Да, негражданка, *alien*! Ожест. не-
домого жина. Почему передать фактом, очевидным не инфе-
рция? Что касается отъ являю постъ его являю? Почему не
отъясняю.

Надпись: «Сей лист есть единственный пропуск предосторожности из одной книги. Заключен лист в прессю книги и тиснен. Рубрика: «Рубрика: «Сей лист». Подпись: «Сей лист».

Картина бедности — чудовищная. Что братья наши образованные наболевшие государства? Климатический вопрос. Наступление на животную. Превращение Москвы во мусоросвалку.

